

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам

«...Вечные сны, как образчики крови...»
Вслушаемся в ранние стихи Мандельштама.

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа...
Это мир еще до грехопадения, до появления в нем человека. Никто не намеревается сорвать яблоко с древа познания добра и зла, а потому и вся дальнейшая человеческая история невозможна. Парис не поднесет яблока того же искусительного сорта Елене, и не отправится многоименный флот, груженный воинами, в море. Не будет пожара Трои, не будет блистательных свершений Рима. И далее, далее – ни Лжедмитрия, ни Марины Мнишек, ни декабристов, ни «Титаника», ни сумерек первого революционного года.

Плод перезрел и сорвался с ветки, так и не дождавшись прикосновения человеческой руки.

Человек своим присутствием не просто меняет что-то в мире. Он изменяет весь мир. Еще не решен вопрос: зачем дарована жизнь, как возникает потребность в божестве: ведь кто-то эту жизнь даровал?

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить.
И поздно уже бояться, сторониться каких бы то ни было вопросов, уговаривать себя, будто все наладится, если не задумываться, пребывать в первозданном неведении.

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа...
История течет своим чередом. Она похожа на реку – недаром в своей предсмертной, незаконченной оде Г. Державин воспекает «Реку времен».

Много-много позднее, сочиняя «Стихи о русской поэзии», Мандельштам вспомнит Державина, чей «татарский кумыс» стиха пьянит по-прежнему. Вспомнит и Батюшкова, чьим именем он отрекался когда-то от символизма, чтобы стать навсегда акмеистом. Тогда он писал:

И Батюшкова мне ненавистна спесь.
Который час его спросили здесь,
А он ответил любопытным – вечность.
Автор пока не знал, что вопрос не в том, что предпочесть – луну, то есть возвышенную и устаревшую образность символизма, или светлый циферблат из тех, какими украшали фасад часового магазина, то есть вещь только что народившегося акмеизма, с ясной и четкой деталью.

Вопрос, как оказалось, надо ставить иначе. Ведь Батюшков, один из самых гармоничных поэтов XIX столетия, ответил так (а ответ его зафиксирован документально) не для того, чтобы поразить публику. Батюшков помешался. Место поэтического прозрения заступило безумие.

Но ведь это не просто болезнь. Это отступление по лестнице эволюции. Назад, вниз, во тьму.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых

С наливными рюмочками глаз.

Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья, –

Ты напрасно Моцарта любил:

Наступает глухота паучья,

Здесь провал сильнее наших сил.

Природа отступает от людей, вернее, отступается от них, о чем и повествует стихотворение 1932 года «Ламарк». Но такая «лестница Ламарка» в действительности лишь первый пролет многосоставной лестницы человеческой культуры, где свое место занимают эпохи, народы, страны.

Казалось бы, читатель имеет дело с оригинальной и последовательно разрабатываемой философской концепцией, которая, к тому же, нашла необычные эстетические формы. Тем не менее это не совсем так.

Концепция эта не принадлежит одному Мандельштаму. Следовало бы назвать ее «общеакмеистским достоянием». Именно тут, как представляется, общность столь разных индивидуальностей, объединившихся под названием «акмеисты», общность, которую никак не могут отыскать исследователи.

И вправду, что же объединяло Н.С. Гумилева, С.М. Городецкого, А.А. Ахматову, М.А. Зенкевича, В.И. Нарбута и Мандельштама (о так называемых младоакмеистах – Г. Иванове, Г. Адамовиче, И. Одоевцевой, Н. Оцупе – и речи быть не может, что говорить о десятках сочинителей, развивавшихся под влиянием акмеизма).

Для последователей акмеизм был только стилистикой, более того – канонем. Для самих акмеистов канона не существовало, более того, не существовало и стилистической общности. А вот контуры общей философской концепции, фрагменты какой-либо легко обнаружить у каждого из них, даже у С.М. Городецкого, который вскоре, разойдясь с Н.С. Гумилевым, лидером группы (или направления, как говорят об акмеизме литературоведы), акмеизм оставил, эти контуры различимы.

Напомню, что сам термин, взятый новым направлением для самоназвания, означает «высшая степень». Но высшая степень только ли искусства? Разумеется, нет. Искусство не берется само из себя. Оно венчает череду истории, которая начинается во временах еще доисторических, где нет человека. Бог или Природа стоит у истоков – каждый решает сам. Последовательность ступеней, смена одного другим от того не будет отменена.

От неразличимых глазу клеток, от амёб, до великих древних держав, до пророков, героев, завоевателей, вплоть до нынешнего часа. До сейчас, в котором живет поэт.

Наиболее стройно, исчерпывающе и, если не слишком ловко выразиться, научно разработал эту концепцию М.А. Зенкевич. Его книга стихов «Дикая порфира» (1912) и построена по особому плану. Она открывается стихотворением «Пары сгущая в алый кокон...», как бы прологом к разворачивающейся свехдраме, потом следуют стихотворения, поделенные на разделы, обозначенные в авторском плане: «Материя», «История», «Лирика», «Переводы» (здесь нетрудно увидеть градации «своего» и «чужого», «близкого» и «удаленного») и завершается стихотворением «Сумрачный бог» как эпилогом.

Но и отдельные стихи, как зародыш, что несет в себе и все стадии развития мира, и все стадии развития живого существа, по большей части включают в себя ту же схему. Таково, например, стихотворение о ящерах.

О ящеры-гиганты, не бесследно,
Вы – детища подводной темноты, –
По отмелям, сверкая кожей медной,
Проволокли громоздкие хвосты!
Истлело семя, скрытое в скорлупы
Чудовищных, таинственных яиц, –
Набальзамированные ваши трупы
Под жирным илом царственных гробниц.
И ваших тел мне святы превращенья:
Они меня на гребень вознесли,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

И мне владеть, как первенцу творенья,
Просторами и силами земли.
Я зверь, лишенный и когтей и шерсти,
Но радугой разумною проник
В мой рыхлый мозг сквозь студень двух отверстий
Пурпурных звезд тяжеловесный сдвиг.
А все затем, чтоб пламенем священным
Я просветил свой древний, темный дух
И на костре пред Богом сокровенным,
Как царь последний, радостно потух;
Чтоб пред Его всегда багряным троном,
Как теплый пар, легко поднявшись ввысь,
Подобно раскаленным электронам,
Мои частицы в золоте неслись.

Мандельштам по-своему откликнется на эти стихи, его «государства жесткая порфира», существующая во времени историческом, есть прямая отсылка к «дикой порфире», в которую облеклась природа. Но куда большее влияние на Мандельштама оказало стихотворение Н.С. Гумилева, которое, в свою очередь, было репликой в диалоге с М.А. Зенкевичем, ведь автор предлагал собственный вариант общеакмеистской концепции. Это стихотворение «Шестое чувство». Отзвуки его есть и в стихах «Я по лесенке приставной...» и в одном из восьмистиший.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья, –
Так век за веком – скоро ли, Господь? –
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Имея в виду всю перспективу, открывающуюся при учете этой концепции, можно истолковать и слова Мандельштама, как-то сказавшего, что акмеизм – это «тоска по мировой культуре».

У А.А. Ахматовой, и с каждым годом это становилось все яснее, человек предстал в исторических обстоятельствах. У В.И. Нарбута центральное место занимало природное начало, недаром одна из книг его так и называлась «Плоть». Но это лишь части, фрагменты целого.

И так уж вышло, что именно Мандельштам оказался самым последовательным акмеистом. Сменялись темы, менялась тональность стихов, а единство присутствовало.

Мир был другим до появления человека. Это присутствие человека заставило все пойти иначе. Именно так следовало бы истолковать термин «адамизм» – второе название акмеизма. Мир после явления на свет Адама. Он дает вещам названия. Расплата за это – мировые катаклизмы, грянувшие от того, что яблоко было сорвано.

Мир начинался страшен и велик:
Зеленой ночью папоротник черный,
Пластами боли поднят большевик –
Единый, продолжающий, бесспорный,
Упорствующий, дышащий в стене.
Привет тебе, скрепитель добровольный
Трудящихся, твой каменноугольный
Могучий мозг, гори, гори стране!
В стихотворении 1935 года следует видеть не попытку Мандельштама приспособиться к обстоятельствам, покривить душой, а желание истолковать сегодняшний день, завершающий, увенчивающий старания истории и природы.

Тут и заключалась проблема: сегодняшний день оказался неоднозначным, трудным для истолкования, а поэт был последователен. И до конца остался верен акмеизму. Расстрелян Н.С. Гумилев, совсем оставил литературу В.И. Нарбут, стал иначе

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru писать стихи М.А. Зенкевич, А.А. Ахматова всегда находилась чуть в стороне от тех вопросов, о которых тут упоминается (ее темы – «личность» и «человеческая история» без каких бы то ни было дальних исторических экскурсов, тем более без погружения во времена праисторические).

Итак, один Мандельштам. И это при том, что он принял акмеизм не сразу. О последствиях такого «присяжничества» можно судить по рецензиям Н.С. Гумилева на мандельштамовские сборники, как, впрочем, судить можно и о том, что связывали их не только литературные интересы, но и дружба.

В отзыве на книгу «Камень» 1913 года сдержанно отмечается, что в книге этой «два резко разграниченных отдела» – это стихи, написанные до 1912 года, и стихи, написанные затем. Упомянутый год и стал переломным, а главной вехой выступает стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...»

Отзыв на книгу «Камень» 1916 года абсолютно иной. Конечно, книга от издания к изданию совершенствовалась, по-своему отражая духовный рост ее автора, но тем заметнее дифирамбический тон рецензии: «Прежде всего важно отметить полную самостоятельность стихов Мандельштама; редко встречаешь такую полную свободу от каких-нибудь посторонних влияний. Если даже он наталкивается на тему, уже бывшую у другого поэта (что случается редко), он перерабатывает ее до полной неузнаваемости. Его вдохновителями были только русский язык, сложнейшим оборотам которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно, да его собственная видящая, слышащая, осязающая, вечно бессонная мысль».

И тут излишне вспомнить отзывы В.Ф. Ходасевича на те же самые сборники Мандельштама, хотя бы и потому, что рецензент смотрит на объект своего критического анализа со стороны и при этом старается быть предельно объективным.

В первом случае В.Ф. Ходасевич так же сдержан, однако сдержанность его не влияет на точность оценки: «Подобно Адаму (недаром сам акмеизм порой именовался «адамизмом»), поэт ставит главной своей целью – узнать и назвать вещи. Талант зоркого метафориста позволяет ему тешиться этой игрой и делать ее занимательной для зрителя. Поэзия Мандельштама – танец вещей, являющихся в самых причудливых сочетаниях. Присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, поэт, обладающий редким в наши дни знанием и чутьем языка, часто выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи Мандельштама начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов – и нелегко поддающимся расшифровке. Думаем, что самому Мандельштаму не удалось бы объяснить многое из им написанного». Главное не то, что рецензент хвалит метафорический дар Мандельштама, как бы косвенно укоряя Н.С. Гумилева, отмечавшего, что нет отдельных метафор и образов, потому что они лишь способ выявить человека (подчеркивание собственно метафоризма – и есть укор). Нет, В.Ф. Ходасевич формулирует принцип, которым пользуется Мандельштам, создавая стихи, и формулирует на удивление точно.

Во втором отзыве критик выделяет другую сторону поэтики Мандельштама, подбирая уже не столь точную формулировку и все-таки указывая на не менее важное свойство мандельштамовских стихов – комический эффект, рождающийся при их чтении (пусть не всех и не всегда): «О. Мандельштаму, видимо, нравится холодная и размеренная чеканка строк. Движение его стиха замедленно и спокойно. Однако порой из-под нарочитой сдержанности прорывается в его поэзии пафос, которому хочется верить хотя бы за то, что поэт старался (или сумел сделать вид, что старался) его скрыть. К сожалению, наиболее серьезные из его пьес, как «Silentium», «Я так же беден», «Образ твой мучительный и зыбкий», помечены более ранними годами; в позднейших стихотворениях г. Мандельштама маска петроградского сноба слишком скрывает лицо поэта; его отлично сделанные стихи становятся досадно комическими, когда за их «прекрасными» словами кроется глубоко ничтожное содержание:

Кто смиривший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Ну, право, стоило ли тревожить вершины для того только, чтобы описать дачников, играющих в теннис? Думается, г. Мандельштам имеет возможность оставить подобные упражнения ради поэзии более значительной».

В действительности, тут куда более странно соединение разнородных понятий,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
обернувшееся столкновением. Олимпийский поединок, альпийский снег, резвая
девушка. Не чересчур ли много, ведь излишество нелепо, оно рождает комический
эффект?

Недаром В.Б. Шкловский отметил, говоря о Мандельштаме: «И кажется все это почти
шуткой, так нагружено все собственными именами и славянизмами. Так, как будто
писал Козьма Прутков. Эти стихи написаны на границе смешного».

Здесь, опять-таки, странность. Существуют две противоположные точки зрения на
мандельштамовскую поэзию, о которых подробно писал С.С. Аверинцев (правда,
вторую точку зрения предельно утрируя): либо искушенный знаток и мыслитель
манипулирует смыслами и понятиями всей мировой культуры, так сказать,
культурными кодами, либо наслаждается сюрреалистической образностью, над смыслом
которой и не задумывается. С.В. Полякова, которой приписывается эта концепция,
утверждала нечто совершенно иное. Она говорила, что при самых причудливых
неточностях и ошибках (наиболее показательный пример – вышивание Пенелопы в
стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла...», тогда как подобное
занятие вообще не было известно в Древней Греции) Мандельштам создает стихи,
предельно убедительные для читателя, создает, возбуждая систему ассоциаций с
помощью звукового облика используемых названий, имен и даже глаголов.

Кажется, подобная концепция вполне верна. Ее, по-своему, выстраивает и Л.Я.
Гинзбург. Вот фрагмент из дневника: «Жирмунский, который был близок с
Мандельштамом, рассказывает, что Мандельштам умел как-то пощупать и понюхать
старую книгу, повертеть ее в руках, чтобы усвоить принцип эпохи. Жирмунский
допускает, что Мандельштам не читал «Федру»; по крайней мере экземпляр, который
Виктор Максимович лично выдал ему из библиотеки романо-германского семинария, у
Мандельштама пропал, и скоро его нашли на Александровском рынке.

Насчет «Федры» свои сомнения В.М. подтверждает тем, что в стихотворении,
посвященном Ахматовой, имелся первоначальный вариант:

Так отравительница Федра
Стояла некогда Рашель...

Мне кажется, это можно истолковать и иначе. Мандельштам сознательно изменял
реалии. В стихотворении «Когда пронзительнее свиста...» у него старик Домби
повесился, а Оливер Твист служит в конторе – чего нет у Диккенса. А в
стихотворении «Золотистого меда струя...» Пенелопа вышивает вместо того, чтобы
ткать.

Культурой, культурными ассоциациями Мандельштам насыщает, утяжеляет семантику
стиха; фактические отклонения не доходят до сознания читателя. Виктор
Максимович, например, обратил впервые мое внимание на странность стихов:

И ветром развеваемые шарфы

Дружинников мелькают при луне...

Какие могут быть у оссиановских дружинников шарфы?» и Федра-отравительница, и
библиотечная книга, оказавшаяся на рынке, – все относится к области анекдотов.
Но анекдотов, связанных с Мандельштамом, великое множество. К ним относятся и
анекдоты о Мандельштаме, сдающем экзамены в университете. Есть устный рассказ
Ю.Н. Тынянова, разросшийся до целой интермедии и записанный по памяти
мемуаристом, чрезвычайно смешной, он все же «из вторых уст». Но он
подтверждается и другими воспоминателями, другие детали, совсем не забавно, а
суть та же. Мандельштам сдает экзамен по античной литературе и не может назвать
ни одной комедии Плавта, лишь повторяет общие слова, дескать, комедии эти
«пережившие века» и тому подобное.

Тем не менее очевидцы вспоминали анекдоты и куда более выразительные. Например,
Н.А. Павлович, которая, как Мандельштам, жила в петроградском Доме искусств,
повстречала его на лестнице. Мандельштам бормочет (так с голоса сочинял он
стихи): «...Зиянье Аонид, зиянье Аонид...» – И вдруг спрашивает: «Надежда
Александровна, а что такое «Аониды»?»

Этого примера, должно быть, достаточно, чтобы подтвердить мысль С.В. Поляковой.
Но и С.С. Аверинцев по-своему прав, говоря о принципах мандельштамовской
поэтики. Единственное уточнение – это все же не принципы, а излюбленные приемы
(разница немалая). С.С. Аверинцев называет это «техникой наложения», так, поэт
может объединить, например, католическое и греко-православное.

В стихах «Евхаристия» две первые строки предлагают реалии латинской мессы, а в следующей строке речь о греческом языке. Тот же самый прием можно увидеть в словосочетании «Россия Александра», где под этим именем следует разуть и императора Александра I, и Пушкина.

С.С. Аверинцев даже предлагает концепцию, согласно которой художественный мир Мандельштама – это каталог тем и мотивов, нечто подобное тому, что составил В.Я. Пропп для русской сказки. Отсюда и произвольная, серьезная пародийность (вспомним слова В.Б. Шкловского о насыщенности мандельштамовского стиха именами и славянизмами).

От себя отмечу и еще один своеобразный эффект, «двойную экспозицию», которая, упрощая понимание стиха, затрудняет его толкование, комментирование из-за одновременного существования нескольких временных и тематических планов. Скажем, Мандельштам видит реалии послереволюционной действительности как бы сквозь зыбкие силуэты реалий прошлого. Приведу лишь один пример.

В стихотворении « – Нет, не мигрень, – но подай карандаш ментоловый...» есть строка «Дальше сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я...» Речь идет, разумеется, о воспоминании, о давних годах, но это не отменяет и нынешней точки зрения – цветные стекла на верандах существовали целые десятилетия, они стали приметам и этого времени, хотя пришли из традиции дореволюционной. Так что строку эту можно и нужно воспринимать, учитывая «двойственность» подобного взгляда. Нетрудно предположить, что память начала свою работу именно потому, что вид цветных стекол на веранде вызвал картины прошлого. Однако только ли прошлое и настоящее тут сосуществуют? А вдруг «дальше» и «ближе» относится не к памяти, а к зрению: вот она, веранда, вот цветные стекла, сквозь которые видно небо и землю, и это небо, и эта земля по сути своей не изменились, они таковы и в прошлом, и в настоящем?

Но только ли вещи, предметы пронзают времена и пространства? Тут следует вспомнить слова, сказанные о Мандельштаме, казалось бы, предельно рассудочным М.А. Зенкевичем: «...когда я о нем думал, что он по векам там бродит, и так далее... Так ведь это оттого, что еврейская кровь древнее нашей, мы-то в то время еще скифами где-то были...». И после паузы: «А они... Рим и все это... Это у них, так сказать, в крови, они бродят по своей истории...»

Это сказал человек куда более образованный, чем Мандельштам, человек, последовательно и полно изложивший в стихах философско-культурологическую концепцию акмеизма.

Возможно, именно так следует понимать мандельштамовское утверждение: «Нет, никогда, ничей я не был современник...», предъявляемое как доказательство надменного безразличия Мандельштама к действительности толкователями и критиками. И, возможно, именно в том смысл строчек:

...Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...
Чтобы чувствовать, не обязательно знать.

В подтверждение такого вывода можно предложить еще один аргумент. Сам процесс сочинения стихов у Мандельштама был странствием, как бы в уменьшенном масштабе повторяя те самые скитания по векам и пространствам, которые проделал его народ и которые отразились в его собственных строках. В.Б. Шкловской рассказывает о временах петроградского Дома искусств: «По дому, закинув голову, ходил Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжелыми. Каждая строка отдельно... Осип Мандельштам пасся, как овца, по Дому, скитался по комнатам, как Гомер». Это не образное сравнение, а меткая характеристика. В.Б. Шкловский и сам отлично чувствовал подобные вещи, психосоматикой был связан с историческими событиями.

Зато М. Слонимский, чья комната попала в орбиту стихотворных странствий поэта, вспоминал, как тот бродил кругами, все заходя к нему в комнату, произнося ту или иную строку. И так всю ночь, измучив хозяина и не замечая его, пока стихотворение не было сочинено. Записав его на листке, Мандельштам сказал: «Передайте куда-нибудь, пожалуйста». И удалился.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
Даже само отношение Мандельштама к стихам имеет исторические аналогии. Певец, особенно в восточной традиции, не поет сам от себя, песня внушена ему свыше, он только уста, которыми говорят боги. Мандельштам бормотал ту или иную строчку, как бы прислушиваясь к внушаемому извне. Слово, которое он «позабыл сказать» из знаменитого стихотворения, на самом деле «слово не услышанное» или «не понятое». И потому оно возвращается назад, улетает из этого мира. Зато в стихах законченных, верно услышанных, а потому абсолютных, каждое слово стоит на своем месте. Здесь лад совершенства, след божественного прикосновения.

Мемуаристка вспоминает, как он удивлялся тому, что кто-то забыл строку или слово из классического стихотворения. Ведь это невозможно. Оно уже существует. И говорил собеседнице: не можете вспомнить, так найдите. Ведь это слово единственное.

В жизни Мандельштама, в бытовой ее стороне, нетрудно разглядеть те же закономерности.

К.И. Чуковский, может быть, из свойственной ему парадоксальности и полемической насмешки как-то написал, что он помнит Мандельштама другим, не таким, как обычно его вспоминают: «Почти все мемуаристы изображают Осипа Мандельштама тщедушным и хилым. Впалая грудь, изможденные щеки. Таким и был он в последние годы. Но мне вспоминается другой Мандельштам – сильный, красивый и стройный. Его молодая привычка: выпячивать грудь и гордо вскидывать кудрявую голову подбородком вперед – делала его похожим на драчливую птицу...

Помню, в предосеннюю пору мы вышли с ним и с другими друзьями на пустынный куоккальский пляж.

День был мрачный и ветреный, купальщиков не было. И вдруг Осип Эмильевич молча сбросил с себя легкую одежду, и не успели мы удивиться, как он оказался в воде и быстро поплыл по направлению к Кронштадту. Плыл он саженками, его сильные руки, казавшиеся белыми на тусклом фоне свинцового моря, ритмически взлетали над водой против ветра.

Не помню, кто был тогда с нами, – кажется, Борис Григорьев, Николай Кульбин, Юрий Анненков. Мы подошли к Мандельштаму, едва только он воротился. Я хотел принести полотенце и теплую куртку (дом был недалеко, в двух шагах), но Мандельштам, не сказав ни слова, стал бегать по холодному пляжу так быстро, что нельзя было не залюбоваться его здоровьем и молодостью. Бегал он долго без усталости. И оделся лишь после того, как обсушил и согрел свое крепкое тело».

Воспоминания убедительны. Тем не менее образ постаревшего Мандельштама не только более привычен, но и сильнее насыщен смыслом, более весом. Кто-то из хорошо знавших поэта, сказал, что никогда не видел человека, который бы старел так страстно, с такой жадностью, с такой готовностью, почти наслаждением, как Мандельштам.

Но это не было собственно старение. Это было приближение к тому внутреннему возрасту, что есть у каждого. Можно было бы сказать: возрасту психологическому.

Мандельштам середины тридцатых годов ни единой чертой не похож, по крайней мере, физически, на человека, изображенного К.И. Чуковским.

«Мандельштам невысок, тощий, с узким лбом, небольшим изогнутым носом, с острой нижней частью лица в неряшливой почти седой бородке, с взглядом напряженным и как бы не видящим пустяков. Он говорит, поджимая беззубый рот, певуче, с неожиданной интонационной изысканностью русской речи. Он переполнен ритмами, как переполнен мыслями и прекрасными словами. Читая, он покачивается, шевелит руками; он с наслаждением дышит в такт словам – с физиологичностью корифея, за которым выступает пляшущий хор. Он ходит смешно, с слишком прямой спиной и как бы приподнимаясь на цыпочках.

Мандельштам слывет сумасшедшим и действительно кажется сумасшедшим среди людей, привыкших скрывать или подтасовывать свои импульсы. Для него, вероятно, не существует расстояния между импульсом и поступком, – расстояния, которое составляет сущность европейского уклада. ...Должно быть, он очень разный. И в состоянии скандала, должно быть, он натуральнее. Но благолепный Мандельштам... нелеп. Ему не совладать с простейшими аксессуарами нашей цивилизации. Его

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
воротничок и галстук – сами по себе. Что касается штанов, слишком коротких, из тонкой коричневой ткани в полоску, то таких штанов не бывает. Эту штуку жене выдали на платье.

Его бытовые жесты поразительно непрактичны... Он располагает обыденным языком, немного богемным, немного вульгарным... Но стоит нажать на важную тему, и с силой распахиваются входы в высокую речь... Он говорит словами своих стихов: косноязычно (с мычанием, со словцом «этого...»), непрерывно пересекающим речь), грандиозно, бесстыдно. Не забывая все-таки хитрить и шутить». Это Мандельштам 1933 года, как отразился он в дневнике Л.Я. Гинзбург. А в 1934 году он признался А.А. Ахматовой: «Я к смерти готов».

Ни расхождения Мандельштама с эпохой, ни его безытнность нельзя преувеличивать или переоценивать. Самые близкие для него люди, которые его кормили или у которых он ночевал, признавали: Н.Я. Мандельштам делила с мужем изгнание и нищету, но была белоручкой и отчасти лентяйкой. Вот очередной анекдот, связанный с Мандельштамом. Как-то он явился к В.Г. Шкловской-Корди, закрывая шапкой дырку сзади на штанах, и стал просить ее помочь купить штаны, благо, деньги у него есть. Решительная жена В.Б. Шкловского, которая сталкивалась и не с такой нищетой и умела противостоять бытовым неурядицам, предложила снять штаны, она их заштопает. И тут воспротивилась Н.Я. Мандельштам – нет, они пойдут и купят новые. Оказывается, если штаны заштопать, то Мандельштам узнает, что это можно делать, а она тщательно скрывала этот факт. Н.Д. Вольпин, поэтесса, силою обстоятельства ставшая переводчицей (у нее семья Мандельштамов нередко ночевала), признавалась – Мандельштам зарабатывал больше, чем все из ее знакомых переводчиков, но деньги в руках не держались, упархивали в никуда. Мандельштам мог в самые голодные дни сменить пайковый хлеб на сладкое и тут же его съесть, а потом голодать.

Отсутствие собственного дома во многом связано с враждебными обстоятельствами: Мандельштам просил дать комнату, писательская организация отказывала. Когда же он получил наконец квартиру в Нащокинском переулке, в доме, где жил в том числе и М.А. Булгаков, то вскоре съехал. Он понимал, что за квартиру придется платить слишком дорого – кривить душой, лгать.

Мандельштам скитался по чужим углам, принимая чужое гостеприимство и чужой хлеб как должное. Так певцы на Востоке – желанные гости в любой юрте. И не он поет в благодарность за кров и пищу, а его с благоговением кормят и поят, предоставляют ночлег за то, что он – певец.

Что же до расхождений с эпохой, то Мандельштам совершенно искренне пытался найти в ней место. Он не кривил душой, когда писал рецензию, например, на сборник стихов поэтов-метростроителей. Отнюдь не исключено, что их труд он рассматривал в свете какой-нибудь культурологической концепции, предположим, учения о «полой земле». Сходные идеи можно увидеть и в строке «На Красной площади всего круглей земля...», ведь упоминавшаяся «общеакмеистическая концепция» предельно детерминирована. Недаром М.А. Зенкевич так характеризовал стихотворение из «Дикой порфиры»: «...в стихах о зоологическом музее подчеркивалось «скрытое единство живой души и тупого вещества».

И отношение Мандельштама к И.В. Сталину, либо – скажем точнее – сталинский образ в стихах Мандельштама – плод той же концепции. Человек возник как высшее проявление природы, как венец трагедий и катаклизмов, Сталин – венец человеческой истории, кровавой, жестокой, но телеологичной.

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины,
Что ленинское-сталинское слово –
Воздушно-океанская подкова,
И лучше бросить тысячу поэзий,
Чем захлебнуться в родовом железе,
И пращуров нам больше не страшны:
Они у нас в крови растворены.
Но образ двоился, стоило лишь взглянуться:
Как подкову, дарит за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Это не были счёты с эпохой. Когда Мандельштама предостерегали: не надо читать прилюдно эти стихи, он возражал – не могу не читать, ведь они написаны.

Двойственность, хотя и другая, была и в самом Мандельштаме, об этом рассказывала его вдова: «Иногда мне казалось, что жить уже больше нельзя, что невыносимо... А Ося вдруг говорил: «Почему ты думаешь, что ты должна быть счастлива?» Это удивительно помогало, и до сих пор помогает».

А вот иное: «...стоило прийти приятелям и принести ему вина и немного еды, он забывал сразу, что он трагический поэт».

Мандельштам жил как восточный певец, а писал как акмеист. Так было в любых обстоятельствах.

Про Мандельштама в лагере рассказывают легенды. Говорили, что он читал переводы из Петрарки, а его угощали сгущенным молоком. Легенда наивная, а все же, нечто такое могли рассказывать и о каком-нибудь великом манасчи, исполнителе киргизского эпоса «Манас». Как у мифического восточного певца, неизвестно, где его могила. Но можно сказать иначе, он не превратился в лагерную пыль, не распался в прах, а воплотился в частицы, которые несутся наподобие электронов в пространстве, как писал в «Дикой порфире» М.А. Зенкевич, тогда еще акмеист.

Б. Филевский

Стихотворения 1908 – 1925 годов

Камень

* * *

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

* * *

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
О, вещь моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

* * *

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.
Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.
Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.
Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, –
Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

* * *

Есть целомудренные чары –
Высокий лад, глубокий мир,
Далеко от эфирных лир
Мной установленные лары.
У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.
Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!
Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожную рукой,
Позволено их переставить.

1909

* * *

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.

1909

* * *

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

1909

silentium[1]

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.
Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазоревом сосуде.
Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!
Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910

* * *

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.
Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,

И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.
Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

1910

* * *

Из омута злого и вязкого
Я вырос тростинкой, шурша, –
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.
И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.
Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

1910

* * *

Скудный луч холодной мерю
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несую.
Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.
И стоит осиротелая
И немая вышина,
Как пустая башня белая,
Где туман и тишина...
Утро, нежностью бездонное.
Полу-явь и полу-сон, [2]
Забвенье неутоленное,
Дум туманный перезвон...

1911

* * *

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и нестрашно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.
И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек, –
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!
Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы.
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.
Небо тусклое с отсветом странным –
Мировая туманная боль –
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.

1911, 1935

* * *

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень –
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигот летит миг.
Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть

И яростный гимн грянь –
Бунтующих тайн медь!
О, маятник душ строг –
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

1911
* * *

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм – только случай,
Неожиданный Аквилон?
Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою
И совсем не вернется – или
Он вернется совсем другой.
О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края –
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».
Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

1911

Раковина
Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.
Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.
Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;
И хрупкой раковины стены, –
Как нежилого сердца дом, –
Наполнишь шопотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

* * *

О, небо, небо, ты мне будешь снится!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1911

* * *

Я вздрагиваю от холода –
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото –
Приказывает мне петь.
Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!
Так вот она – настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!
Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?

1912, 1937

* * *

я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред, –
Башни стрельчатый рост!
Кружевом, камень, будь
И паутиной стань,
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.
Будет и мой черед –
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдет
Мысли живой стрела?
Или свой путь и срок
Я, исчерпав, вернусь:
Там – я любить не мог,
Здесь – я любить боюсь...
1912

* * *

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади...
1912

* * *

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, – и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!
1912

* * *

Паденье – неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.
Кто камни нам бросает с высоты,
И камень отрицает иго праха?
И деревянной поступью монаха
Мощный двор когда-то мерил ты:
Булыжники и грубые мечты –
В них жажда смерти и тоска размаха!
Так проклят будь, готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаге веселых дров не жгут.
Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен –
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!
1912

Царское Село
Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!
Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях – клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...
Одноэтажные дома,
Где однодумы–генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...

Особняки – а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, –
Не сомневаюсь – это князь...
И возвращается домой –
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...

1912, 1927

Лютеранин

Я на прогулке похороны встретил
Близ протестантской кирки, в воскресенье.
Рассеянный прохожий, я заметил
Тех прихожан суровое волнение.
Чужая речь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сияла
Да мостовая праздничная глухо
Ленивые подковы отражала.
А в эластичном сумраке кареты,
Куда печаль забилась, лицемерка,
Без слов, без слез, скупая на приветы,
Осенних роз мелькнула бутоньерка.
Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пешком заплаканные дамы,
Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил вдаль, упрямый.
Кто б ни был ты, покойный лютеранин,
Тебя легко и просто хоронили.
Был взор слезой приличной затуманен,
И сдержанно колокола звонили.
И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим, как свечи.

1912

Айя-София

Айя-София – здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.
И всем векам – пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.
Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?
Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон – света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.
И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

1912

Notre Dame

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, и – радостный и первый –
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.
Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
И свода дерзкого бездействует таран.
Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб, и всюду царь – отвес.
Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
я изучал твои чудовищные ребра, –
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...
1912
Петербургские строфы
Н. Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.
Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, как броненосец в доке, –
Россия отдыхает тяжело.
А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.
Тяжка обуза северного сноба –
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...
Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.
Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!
1913
* * *

...Дев полуночных отвага
И безумных звезд разбег,
да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.
Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутишь,
Если явь – Петра создание,
Медный всадник и гранит?
Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло.
Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.
И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.
1913

Бах
Здесь прихожане – дети праха
И доски вместо образов,
Где мелом – Себастьяна Баха
Лишь цифры значатся псалмов.
Разноголосица какая
в трактирах буйных и в церквах,
А ты ликуешь, как Исая,
О, рассудительнейший Бах!
Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле

Ты в доказательстве искал?
Что звук? Шестнадцатые доли,
Органа многосложный крик –
Лишь воркотня твоя, не боле,
О, несговорчивый старик!
И лютеранский проповедник
На черной кафедре своей
С твоими, гневный собеседник,
Мешает звук своих речей.

1913

* * *

Мы напряженного молчанья не выносим –
Несовершенство душ обидно, наконец!
И в замешательстве уж объявился чтец,
И радостно его приветствовали: просим!
Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо:
Кошмарный человек читает «Улялюм».
Значенье – суета и слово – только шум,
Когда фонетика – служанка серафима.
О доме Эшеров Эдгара пела арфа.
Безумный воду пил, очнулся и умолк.
Я был на улице. Свистел осенний шелк...
И горло греет шелк щекочущего шарфа...

1913, 1937

* * *

Заснула чернь. Зияет площадь аркой.
Луной облита бронзовая дверь.
Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой,
И Александра здесь замучил Зверь.
Курантов бой и тени государей:
Россия, ты – на камне и крови –
Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови!

1913

Адмиралтейство
В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листе прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали – воде и небу брат.
Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря –
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря!

1913

Кинематограф
Кинематограф. Три скамейки.
Сантиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.
Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.
А он скитается в пустыне –
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы графини.
И в исступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки

Затравленного фортепьяно.
В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.
И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется,
Стрекочет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее.
В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.
Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему – отцовское наследство,
А ей – пожизненная крепость!
1913
* * *

Отравлен хлеб, и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать!
Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.
Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня – событий
Рассеивается туман.
И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!
1913

Домби и сын
Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык –
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.
У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода...
Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик – Домби-сын.
Веселых клэрков каламбуры
Не понимает он один.
В конторе сломанные стулья,
На шиллинги и пэнсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.
А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле –
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.
На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь...
1914

Ахматова
Вполоборота, о, печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.
Зловещий голос – горький хмель –

Души расковыривает недра:

Так – негодующая Федра –

Стояла некогда Рашель.

1914

* * *

Поговорим о Риме – дивный град!

Он утвердился купола победой.

Послушаем апостольское credo:

Несется пыль, и радуги висят.

На Авентине вечно ждут царя –

Двунадесятых праздников кануны, –

И строго-канонические луны –

Двенадцать слуг его календаря.

На дольний мир глядит, как облак хмурый,

Над форумом огромная луна,

И голова моя обнажена –

О, холод католической тонзуры!

1914

* * *

О временах простых и грубых

Копыта конские твердят.

И дворники в тяжелых шубах

На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота

Привратник, царственно ленив,

Встал, и звериная зевота

Напомнила твой образ, скиф!

Когда с дряхлеющей любовью

Мешая в песнях Рим и снег,

Овидий пел арбу воловью

В походе варварских телег.

1914

* * *

На площадь выбежав, свободен

Стал колоннады полукруг, –

И распластался храм Господень,

Как легкий крестовик-паук.

А зодчий не был итальянец,

Но русский в Риме, – ну, так что ж!

Ты каждый раз, как иностранец,

Сквозь рощу портиков идешь.

И храма маленькое тело

Одушевленное стократ

Гиганта, что скалою целой

К земле, беспомощный, прижат!

1914

Равноденствие

Есть иволги в лесах, и гласных долгота

В тонических стихах единственная мера,

Но только раз в году бывает разлита

В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурю зияет этот день:

Уже с утра покой и трудные длинноты,

Волы на пастбище, и золотая лень

Из тростника извлечь богатство целой ноты.

1914

* * *

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит.

Прозрачный стакан с ледяною водою.

И в мир шоколада с румяной зарею,

В молочные Альпы, мечтанье летит.

Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть –

И в тесной беседке, средь пыльных акаций,

Принять благосклонно от булочных граций

В затейливой чашечке хрупкую снедь...

Подруга шарманки, появится вдруг

Бродячего ледника пестрая крышка –

И с жадным вниманием смотрит мальчишка

В чудесного холода полный сундук.
И боги не ведают – что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.
1914

* * *

Природа – тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.
Природа – тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить –
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!
1914

* * *

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной!
Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.
1914

* * *

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!
Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.
1914

Европа

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен последний материк,
К широкой Азии, к Америке привык, –
Слабеет океан, Европу омывая.
Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья,
Немного женственны заливы очертанья
Бискайи, Генуи ленивая дуга...
Завоевателей исконная земля –
Европа в рубище Священного союза:
Пята Испании, Италии Медуза
И Польша нежная, где нету короля.
Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!
1914

1914

Посох

Посох мой, моя свобода –
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?
Я земле не поклонился

Прежде, чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.
А снега на черных пашнях
Не растают никогда,
И печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.
Снег растает на утесах,
Солнцем истины палим,
Прав народ, вручивший посох
Мне, увидевшему Рим!

1914, 1927

Ода Бетховену
Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
И в темной комнате глухого
Бетховена горит огонь.
И я не мог твоей, мучитель,
Чрезмерной радости понять.
Уже бросает исполнитель
Испепеленную тетрадь.

.....

.....

.....

Кто этот дивный пешеход?
Он так стремительно ступает
С зеленой шляпою в руке,

.....

.....

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить?
Кто может, ярче пламенея,
Усиле воли освятить?
Кто по-крестьянски, сын фламандца,
Мир пригласил на ритуфель
И до тех пор не кончил танца,
Пока не вышел буйный хмель?
О, Дионис, как муж, наивный
И благодарный, как дитя!
Ты перенес свой жребий дивный
То негодуя, то шутя!
С каким глухим негодованьем
Ты собирал с князей оброк
Или с рассеянным вниманьем
На фортепьянный шел урок!
Тебе монашеские кельи –
Всемирной радости приют,
Тебе в пророческом весельи
Огнепоклонники поют;
Огонь пылает в человеке,
Его унять никто не мог.
Тебя назвать не смели греки,
Но чтили, неизвестный бог!
О, величавой жертвы пламя!
Полнеба охватил костер –
И царской скинии над нами
Разодран шелковый шатер.
И в промежутке воспаленном,
Где мы не видим ничего, –
Ты указал в чертоге тронном
На белой славы торжество!

1914

* * *

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою, –
И ныне я не камень,
А дерево пою.
Оно легко и грубо:

Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.
Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки!
1915

* * *

И поныне на Афоне
Древо чудное растет,
На крутом зеленом склоне
Имя Божие поет.
В каждой радуются келье
Имябожцы-мужики:
Слово – чистое веселье,
Исцеленье от тоски!
Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены;
Но от ереси прекрасной
Мы спастись не должны.
Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь.
1915

Дворцовая площадь
Императорский виссон
И моторов колесницы, –
В черном омуте столицы
Столпник-ангел вознесен.
В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.
Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится,
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла.
1915

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.
Как журавлиный клин в чужие рубежи, –
На головах царей божественная пена, –
Куда поплывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
И море, и Гомер – все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.
1915

* * *

Обиженно уходят на холмы,
Как Римом недовольные плебеи,
Старухи овцы – черные халдеи,
Исчадье ночи в капюшонах тьмы.
Их тысячи – передвигают все,
Как жердочки, мохнатые колени,
Трясутся и бегут в курчавой пене,
Как жеребья в огромном колесе.
Им нужен царь и черный Авентин,
Овечий Рим с его семью холмами,
Собачий лай, костер под небесами
И горький дым жилища и овин.
На них кустарник двинулся стеной

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
И побежали воинов палатки,
Они идут в священном беспорядке.
Висит руно тяжелою волной.
1915

* * *

С веселым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.
Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынною тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасные черты –
Сей профиль женственный с коварною горбинкой!
Здесь, Капитолия и Форума вдали,
Средь увядания спокойного природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державным яблоком катящиеся годы.
Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была
И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся.
1915

* * *

Я не увижу знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре,
С прокопченной высокой галереи,
При свете оплывающих свечей.
И, равнодушен к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Я не услышу, обращенный к рампе,
Двойною рифмой оперенный стих:
– Как эти покрывала мне постылы..
Театр Расина! Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
Глубокими морщинами волнуя,
Меж ним и нами занавес лежит.
Спадают с плеч классические шали,
Расплавленный страданьем крепнет голос,
И достигает скорбного закала
Негодованием раскаленный слог..
Я опоздал на празднество Расина!
Вновь шелестят истлевшие афиши,
И слабо пахнет апельсинной коркой,
И словно из столетней летаргии
Очнувшийся сосед мне говорит:
– Измученный безумством Мельпомены,
Я в этой жизни жажду только мира;
Уйдем, покуда зрители-шакалы
На растерзанье Музы не пришли!
Когда бы грек увидел наши игры..
1915

Tristia

Зверинец

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран – эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом, опять,
Поют косматые свирели.
Пока ягнята и волы
На тучных пастбищах водились
И дружелюбные садились
На плечи сонных скал орлы, –
Германец выкормил орла,
И лев британцу покорился,

И галльский гребень появился
Из петушиного хохла.
А ныне завладел дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля иссякла,
Неблагодарная, как встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду из нее,
Пускай уходит в ночь глухую
Мной всполошенное зверье!
Петух и лев, широкохмурый,
Орел и ласковый медведь –
Мы для войны построим клеть,
Звериные пригреем шкуры.
А я пою вино времен –
Источник речи италийской –
И в колыбели праарийской
Славянский и германский лен!
Италия, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,
С кудахтаньем домашней птицы
Перелетев через плетень?
И ты, соседка, не взыщи –
Орел топорщится и злится:
Что, если для твоей пращи
Тяжелый камень не годится?
В зверинце заперев зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станет полноводней Волга,
И рейнская струя светлей,
– И умудренный человек
Почтит невольню чужестранца,
Как полубога, буйством танца
На берегах великих рек.
1916, 1935
* * *

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.
И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.
1916
* * *

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.
А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.
Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече –
И никогда он Рима не любил.
Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.

Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.
Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело –
И рыжую солому подожгли.

1916

Соломинка

1

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью, – что может быть
печальней, –

На веки чуткие спустился потолок,
Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей!
В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их – такая тишина!
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.
Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невою,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.
Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не соломинка – Лигейя, умиранье, –
Я научился вам, блаженные слова.

2

Я научился вам, блаженные слова:
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.
В огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.
Декабрь торжественный сияет над Невою.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный томительный покой.
В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
А та, соломинка – быть может, Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь!

1916

* * *

1

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд.

2

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем, –
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

* * *

Не веря воскресенья чуду,

На кладбище гуляли мы.
– Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы

.....
.....

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.
От монастырских косогулов
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг,
Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться – значит, быть беде.
Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю – он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.
Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

1916

* * *

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло.
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.
Солнце желтое страшнее, –
Баю-баюшки-баю, –
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.
Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.
И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели –
Черным солнцем осиян.

1916

* * *

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламин, –
Он, отторгнут вражеской рукою,
Виден был из гавани Афин.
А теперь друзья-островитяне
Снаряжают наши корабли –
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.
О, Европа, новая Эллада,
Охраняй Акрополь и Пирей!
Нам подарков с острова не надо –
Целый лес незваных кораблей.

1916

Декабрист

– Тому свидетельство языческий сенат –
Сии дела не умирают! –
Он раскурил чубук и запахнул халат,

А рядом в шахматы играют.
Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.
Шумели в первый раз германские дубы,
Европа плакала в тенетах,
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.
Бывало, голубой в стаканах пунш горит,
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.
– Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.
Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

1917

* * *

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба
занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь,
не ответишь.
После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть
виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.
Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом
порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.
Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином
из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?
Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях
полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

1917

Меганом
Еще далёко асфоделей
Прозрачно-серая весна.
Пока еще на самом деле
Шуршит песок, кипит волна.
Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона, в легкий круг,
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных, загорелых рук.
Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой?

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.
Как быстро тучи пробегают
Неосвещенною грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветряной луной.
И, птица смерти и рыданья,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.
И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет, –
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет,
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.

1917

* * *

А. В. Карташеву

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская стгущала над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.
Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи!
А старцы думали: не наша в том вина –
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи!
Он с нами был, когда, на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвещником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.

1917

* * *

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.
В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.
Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любы
Янтарь, пожары и пиры.
Им только снится воздух юга –
Чужого неба волшебство, –
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

Кассандре
Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественного бденья
Воспоминанья мучат нас.
И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя;
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...
Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу невы –
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.

Но, если эта жизнь – необходимость бреда
И корабельный лес – высокие дома, –
Я полюбил тебя, безрукая победа
И зачумленная зима.

На площади с броневиками
Я вижу человека – он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.
Больная, тихая Кассандра,
Я больше не могу – зачем
Сияло солнце Александра,
Сто лет тому назад сияло всем?

1917

* * *

Du, Doppelgänger! du, bleicher Geselle!..[3]

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пели Шуберта – родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель!
Старинной песни мир – коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокочущие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.
И сила страшная ночного возвращенья –
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник – пустое привиденье –
Бессмысленно глядит в холодное окно!

1918

* * *

Твое чудесное произношенье –
Горячий посвист хищных птиц;
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.
«Что» – голова отяжелела.
«Цо» – это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
– Я тоже на земле живу.
Пусть говорят: любовь крылата, –
Смерть окрыленнее стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.
И столько воздуха и шелка
И ветра в шопоте твоём,
И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

1918

* * *

Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит
И шуршит сухая печка, –
Это красный шелк горит.
Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно, –
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.
Что на крыше дождь бормочет, –
Это черный шелк горит,
Но черемуха услышит
И на дне морском: прости.
Потому что смерть невинна
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще.

1918

* * *

На страшной высоте блуждающий огонь!
Но разве так звезда мерцает?

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

Прозрачная звезда, блуждающий огонь, –
Твой брат, Петрополь, умирает!
На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда летает.
О, если ты звезда, – воды и неба брат, –
Твой брат, Петрополь, умирает!
Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет...
Зеленая звезда, – в прекрасной нищете
Твой брат, Петрополь, умирает.
Прозрачная весна над черною Невою
Сломалась, воск бессмертья тает...
О, если ты звезда, – Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает!
1918

* * *

Когда в теплой ночи замирает
Лихорадочный форум Москвы
И театров широкие зевы
Возвращают толпу площадям, –
Протекает по улицам пыльным
Оживленье ночных похорон;
Льются мрачно-веселые толпы
Из каких-то божественных недр.
Это солнце ночное хоронит
Возбужденная играми чернь,
Возвращаясь с полночного пира
Под глухие удары копыт,
И как новый встает Геркуланум
Спящий город в сияньи луны,
И убогого рынка лачуги,
И могучий дорический ствол!
1918

Сумерки свободы
Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы, –
О, солнце, судия, народ.
Прославим роковое время,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное время,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть – тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.
Мы в легионы боевые
Связали ласточек – и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети – сумерки густые –
Не видно солнца, и земля плывет.
Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плугом, океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.
1918

Tristia

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье –
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели в даль заплаканные очи,
И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит,
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит,
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сеньях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?
И я люблю обыкновенные пряжи:
Снуёт челнок, веретено жужжит.
Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.
Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склоняясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918

Черепаша

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.
Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенек.
Высокий дом построил плотник дюжий,
На свадьбу всех передружили кур,
И растянул сапожник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.
Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну, кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет?
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.
Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко?

1919

* * *

Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши
приметы.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.
Ах, тяжелые соты и нежные сети,
Легче камень поднять, чем имя твое повторить!
У меня остается одна забота на свете:

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Золотая забота, как времени бремя избыть.
Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землею была.
В медленном водовороте тяжелые, нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки
заплела!

1920

* * *

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты желтый сумрак предпочла.
Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.
Но роковая перемена
В тебе исполниться должна:
Ты будешь Лия – не Елена!
Не потому наречена,
Что царской крови тяжелее
Струиться в жилах, чем другой, –
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем – и Бог с тобой.

1920

Феодосия

Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с горы сбегашь
И розовыми, белыми камнями
В сухом прозрачном воздухе сверкаешь.
Качаются разбойничьи фелюги,
Горят в порту турецких флагов маки,
Тростинки мачт, хрусталь волны упругий
И на канатах лодочки-гамаки.
На все лады, оплаканное всеми,
С утра до ночи «яблочко» поется.
Уносит ветер золотое семя, –
Оно пропало – больше не вернется.
А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись, музыканты,
По двое и по трое, неумело,
Невероятные свои варьянты.
О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен среди базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.
Идем туда, где разные науки
И ремесло – шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображая брюки,
Дает понятие нам о человеке.
Мужской сюртук – без головы стремленье,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерический утюг – явление
Небесных прачек – тяжести улыбка.
Здесь девушки стареющие в челках
Обдумывают странные наряды
И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехерезады.
Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

1920

* * *

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.
Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.
Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, –
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить!
В самом маленьком духане
Ты обманщика найдешь.
Если спросишь «Телиани»,
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.
Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

1920, 1927, 1935

Венецианская жизнь
Венецианской жизни, мрачной и бесплодной,
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.
Тонкий воздух кожи, синие прожилки,
Белый снег, зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.
И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.
Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины Сатурново кольцо,
Черным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.
Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый. В спальне тают горы
Голубого дряхлого стекла.
Только в пальцах – роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?
Черный Веспер в зеркале мерцает,
Все проходит, истина темна.
Человек рождается, жемчуг умирает,
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

* * *

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.
Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.
Кто держит зеркальце, кто баночку духов, –
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лес безлиственный прозрачных голосов

Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.
И в нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнает прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепешку медную с туманной переправы.

1920

Ласточка

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспмятстве ночная песнь поется.
Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,
Прозрачны гривы табуна ночного,
В сухой реке пустой челнок плывет,
Среди кузнечиков беспмятствует слово.
И медленно растет как бы шатер иль храм,
То вдруг прикинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.
О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья.
Я так боюсь рыданья Аонид,
Тумана, звона и зиянья.
А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется,
Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.
Все не о том прозрачная твердит,
Все ласточка, подружка, Антигона..
А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

1920

* * *

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.
Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.
Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.
Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина – дремучий лес Тайгета,
Их пища – время, медуница, мята.
Возьми ж на радость дикий мой подарок –
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

1920

* * *

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем.
В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен родные очи,
Все цветут бессмертные цветы.
Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.
Слышу легкий театральный шорох
И девическое «ах» –

и бессмертных роз огромный ворох
У киприды на руках.
У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут,
и блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.
Где-то грядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож,
Заводная кукла офицера –
Не для черных душ и низменных святош..
Что ж, гаши, пожалуй, наши свечи
В черном бархате всемирной пустоты.
Все поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.
1920

* * *

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие древние срубы!
Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.
Как мог я подумать, что ты возвратишься,

как смел?

Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.
Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ

пошла,

и трижды приснился мужьям соблазнительный
образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.
Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серую ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится.

1920

* * *

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.
Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода;
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?
Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.
Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.
И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог,
И все-таки еще немножко.
И, право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана

Для комедийной перебранки.
В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада.
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.
Так не старайся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута.
И тень от шапочки твоей
Венецианская баута.
1920

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.
Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву, палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.
Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.
Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

1920

* * *

Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье
И трогательный чин – ему же все должны, –
У Исаака отпеванье.
Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе Генисаретский мрак
Великопостных седмицы.
Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И иерея возглас сирий,
Смиренник царственный – снег чистый на плечах
И одичалые порфиры.
Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета.
Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопашурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим:
Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах в глубоких закромах

Зерно глубокой, полной веры.

1921, 1922

Стихи 1921 – 1925 годов

Концерт на вокзале

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами,
Дрожит вокзал от пенья Аонид,
И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.
Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон:
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это – сон.
И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный строй в смятеньи и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках –
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах...
И мнится мне: весь в музыке и пене,
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Горячий пар зрачки смычков слепит.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит!
1921

* * *

Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч – как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.
На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.
Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее.
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.
1921

* * *

Кому зима – арак и пунш голубоглазый,
Кому душистое с корицею вино,
Кому жестоких звезд соленые приказы
В избушку дымную перенести дано.
Немного теплого куриного помета
И бестолкового овечьего тепла;
Я все отдам за жизнь – мне так нужна забота, –
И спичка серная меня б согреть могла.
Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,
И верещанье звезд щекочет слабый слух,
Но желтизну травы и теплоту суглинка
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.
Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.
Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарю овец и хрупкий наст скрипит,
Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,
Кому – крутая соль торжественных обид.
О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.

1922

* * *

С розовой пеной усталости у мягких губ
Яростно волны зеленые роет бык,
Фыркает, гребли не любит – женолюб,
Ноша хребту непривычна, и труд велик.
Изредка выскочит дельфина колесо
Да повстречается морской колючий еж,
Нежные руки Европы, – берите все!
Где ты для выи желанней ярмо найдешь?
Горько внимает Европа могучий плеск,
Тучное море кругом закипает в ключ,
Видно, страшит ее вод маслянистый блеск
И соскользнуть бы хотелось с шершавых круч.
О, сколько раз ей милее уключин скрип,
Лоном широкая палуба, гурт овец
И за высокой кормою мелькание рыб, –
С нею безвесельный дальше плывет гребец!

1922

* * *

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, –
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.
Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Все чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.
А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,
Как ты прежде шелестела,
Кровь, как нынче шелестишь.
Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

1922

* * *

Как растет хлебов опара,
Поначалу хороша,
И беснуется от жару
Домовитая душа.
Словно хлебные Софии
С херувимского стола
Круглым жаром налитые
Подымают купола.
Чтобы силой или лаской
Чудный выманить припек,
Время – царственный подпасок –
Ловит слово-колобок.
И свое находит место
Черствый пасынок веков –
Усыхающий довесок
Прежде вынутых хлебов.

1922

* * *

Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась, –
Не по ней ли шуршит вор,
Комариный звенит князь?
Я хотел бы ни о чем
Еще раз поговорить,
Прошуршать спичкой, плечом
Растолкать ночь, разбудить;
Раскидать бы за стогом стог,
Шапку воздуха, что томит;
Распороть, разорвать мешок,
В котором тмин зашит.

Чтобы розовой крови связь,
Этих сухоньких трав звон,
Уворованная нашлась
Через век, сеновал, сон.
1922

* * *

Я по лесенке приставной
Лез на всклоченный сеновал, –
Я дышал звезд млечных трухой,
Колтуном пространства дышал.
И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной склоке ловить
Эолийский чудесный строй?
Звезд в ковше медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять.
Набухает, звенит темь
И растет и звенит опять.
Распряженный огромный воз
Поперек вселенной торчит.
Сеновала древний хаос
Защекочет, запорошит...
Не своей чешуей шуршим,
Против шерсти мира поем.
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном.
Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад, –
Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.
Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна – скрепясь,
А другая – в заумный сон.
1922

Московский дождик
Он подает куда как скупо
Свой воробьиный холодок –
Немного нам, немного купам,
Немного вишням на лоток.
И в темноте растет кипенье –
Чаинка легкая возня,
Как бы воздушный муравейник
Пирует в темных зеленях.
Из свежих капель виноградник
Зашевелился в мураве:
Как будто холода рассадник
Открылся в лапчатой Москве!
1922

Век

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.
Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли –
Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.
Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,

Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.
И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
И горячей рыбой плещет
В берег теплый хрящ морей.
И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льется, льется безразличье
На смертельный твой ушиб.

1922

Нашедший подкову
(Пиндарический отрывок)
Глядим на лес и говорим:
– Вот лес корабельный, мачтовый,
Розовые сосны,
До самой верхушки свободные от мохнатой ноши,
Им бы поскрипывать в бурю,
Одинокими пиниями,
В разъяренном безлесном воздухе;
Под соленую пятою ветра устоит отвес, пригнанный
к пляшущей палубе,

И мореплавателю,
В необузданной жажде пространства,
Влача через влажные рытвины
Хрупкий прибор геометра,
Сличит с притяженьем земного лона
Шероховатую поверхность морей.
А вдыхая запах
Смолистых слез, проступивших сквозь обшивку
корабля,

Любуясь на доски,
Заклепанные, слаженные в переборки
Не вифлеемским мирным плотником, а другим –
Отцом путешествий, другом морехода. –
Говорим:

– И они стояли на земле,
Неудобной, как хребет осла,
Забывая верхушками о корнях
На знаменитом горном кряже,
И шумели под пресным ливнем,
Безуспешно предлагая небу выменять
на щепотку соли

Свой благородный груз.
С чего начать?
Все трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой,
И легкие двуколки
В броской упряжи густых от натуги птичьих стай
Разрываются на части,
Соперничая с храпящими любимцами ристалищ.
Трижды блажен, кто введет в песнь имя;
Украшенная названьем песнь
Дольше живет среди других –

Она отмечена среди подруг повязкой на лбу,
Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного
одуряющего запаха –
Будь то близость мужчины,
Или запах шерсти сильного зверя,
Или просто дух чобра, растертого между ладоней.
Воздух бывает темным, как вода, и все живое
в нем плавает, как рыба,
Плавниками расталкивая сферу,
Плотную, упругую, чуть нагретую, –
Хрусталь, в котором движутся колеса
и шарахаются лошади,
Влажный чернозем Нееры, каждую ночь
распаханный заново
вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.
Воздух замещен так же густо, как земля, –
Из него нельзя выйти, в него трудно войти.
Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой,
Дети играют в бабки позвонками умерших
животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит
к концу.

Спасибо за то, что было:
Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.
Эра звенела, как шар золотой,
Полая, литая, никем не поддерживаемая,
На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет».
Так ребенок отвечает:
«Я дам тебе яблоко» – или: «я не дам тебе
яблоко».
И лицо его – точный слепок с голоса, который
произносит эти слова.
Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла.
Конь лежит в пыли и храпит в мыле,
Но крутой поворот его шеи
Еще сохраняет воспоминание о беге
с разбросанными ногами, –
Когда их было не четыре,
А по числу камней дороги,
Обновляемых в четыре смены,
По числу отталкиваний от земли
Пышущего жаром иноходца.
Так
Нашедший подкову
Сдувает с нее пыль
И растирает ее шерстью, пока она не заблестит;
Тогда
Он вешает ее на пороге,
Чтобы она отдохнула,
И больше уж ей не придется высекать искры
из кремня.
Человеческие губы, которым больше нечего
сказать,
Сохраняют форму последнего сказанного слова,
И в руке остается ощущение тяжести,
Хотя кувшин наполовину расплескался, пока его
несли домой.
То, что я сейчас говорю, говорю не я,
А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой
пшеницы.
Одни на монетах изображают льва,
Другие – голову.
Разнообразные медные, золотые и бронзовые
лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле,
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои
зубы.
Время срезает меня, как монету,

И мне уж не хватает меня самого...

1923

Грифельная ода

Мы только с голоса пойдем,
что там царалась, боролась...
Звезда с звездой – могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень.
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок –
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.
Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою овечьей.
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,
Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной.
Крутые козьи города,
Кремней могучее слоенье;
И все-таки еще гряда –
Овечьи церкви и селенья!
Им проповедует отвес,
Вода их учит, точит время,
И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.
Как мертвый шершень возле сот,
День пестрый выметен с позором.
И ночь-коршунница несет
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!
Плод нарывал. Зрел виноград.
День бушевал, как день бушует.
И в бабки нежная игра,
И в полдень злых овчарок шубы.
Как мусор с ледяных высот –
Изнанка образов зеленых –
Вода голодная течет,
Крутясь, играя, как звереныш.
И как паук ползет ко мне –
Где каждый стык луной обрызган,
На изумленной крутизне
Я слышу грифельные визги.
Ломаю ночь, горящий мел,
Для твердой записи мгновенной.
Меняю шум на пенье стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.
Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик, –
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.
Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной.
Блажен, кто завязал ремень
Подошве гор на твердой почве.
И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык,
С прослойкой тьмы, с прослойкой света;
И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву, заключая в стык, –

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Кремень с водой, с подковой перстень.
1923, 1937
* * *

Как тельце маленькое крылышком
По солнцу всклянь перевернулось
И зажигательное стеклышко
На эмпирее загорелось.
Как комариная безделица
В зените ныла и звенела
И под сурдинку пеньем жужелиц
В лазури мучилась заноза:
– Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя!
Мне будет легче с ним, пойми меня,
В беременной глубокой сини.
1923

1 января 1924

Кто время целовал в измученное темя, –
С сыновьей нежностью потом
Он будет вспоминать, как спать ложилось время
В сугроб пшеничный за окном.
Кто веку поднимал болезненные веки –
Два сонных яблока больших, –
Он слышит вечно шум – когда взревели реки
Времен обманных и глухих.
Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет.
Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох,
Еще немного – оборвут
Простую песенку о глиняных обидах
И губы оловом зальют.
О, глиняная жизнь! О, умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль – искать потерянное слово,
Больные веки поднимать
И с известью в крови для племени чужого
Ночные травы собирать.
Век. Известковый слой в крови больного сына
Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь,
И некуда бежать от века-властелина...
Снег пахнет яблоком, как встарь.
Мне хочется бежать от моего порога.
Куда? На улице темно,
И, словно сыплют соль мощною дорогой,
Белеет совесть предо мной.
По переулочкам, скворешням и застрехам,
Недалеко, собравшись как-нибудь, –
Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мехом,
Все силюсь полость застегнуть.
Мелькает улица, другая,
И яблоком хрустит саней морозный звук,
Не поддается петелька тугая,
Все время валится из рук.
Каким железным скобяным товаром
Ночь зимняя гремит по улицам Москвы,
То мерзлой рыбою стучит, то хлещет паром
Из чайных розовых – как серебром плотвы.
Москва – опять Москва. Я говорю ей: здравствуй!
Не обессудь, теперь уж не беда,
По старине я принимаю братство
Мороза крепкого и щучьего суда.
Пылает на снегу аптечная малина,
И где-то шелкнул ундервуд,
Спина извозчика и снег на пол-аршина:

Чего тебе еще? Не тронут, не убьют.
Зима-красавица, и в звездах небо козье
Рассыпалось и молоком горит,
И конским волосом о мерзлые полозья
Вся полость трется и звенит.
А переулочки коптели керосинкой,
Глотали снег, малину, лед,
Все шелушиться им советской сонатинкой,
Двадцатый вспоминая год.
Ужели я предам позорному злословью –
Вновь пахнет яблоком мороз –
Присягу чудную четвертому сословью
И клятвы крупные до слез?
Кого еще убьешь? Кого еще прославишь?
Какую выдумаешь ложь?
То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш –
И щучью косточку найдешь;
И известковый слой в крови больного сына
Растает, и блаженный брызнет смех...
Но пишущих машин простая сонатина –
Лишь тень сонат могучих тех.
1924, 1937

* * *

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.
Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет.
Я с веком поднимал болезненные веки –
Два сонных яблока больших,
И мне гремучие рассказывали реки
Ход воспаленных тяжб людских.
Сто лет тому назад подушками белела
Складная легкая постель,
И странно вытянулось глиняное тело, –
Кончался века первый хмель.
Среди скрипучего похода мирового –
Какая легкая кровать!
Ну что же, если нам не выковать другого,
Давайте с веком вековать.
И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
Век умирает, – а потом
Два сонных яблока на роговой облатке
Сияют перистым огнем.

1924

* * *

Вы, с квадратными окошками
Невысокие дома, –
Здравствуй, здравствуй, петербургская
Несуровая зима.
И торчат, как щуки, ребрами
Незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких
Валяются коньки.
А давно ли по каналу плыл
С красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки
Добросовестный товар?
Ходят боты, ходят серые
У Гостиного двора,
И сама собой сдирается
С мандаринов кожура;
И в мешочке кофий жареный,
Прямо с холоду – домой:
Электрической мельницей

Смолот мокко золотой.
Шоколадные, кирпичные
Невысокие дома, –
Здравствуй, здравствуй, петербургская
Несуровая зима!
И приемные с роялями,
Где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют
Ворохами старых «Нив».
После бани, после оперы,
Все равно, куда ни шло,
Бестолковое, последнее
Трамвайное тепло...
1925

* * *

Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды ресница.
Изолгавшись на корню,
Никого я не виню...
Хочешь яблока ночного,
Сбитню свежего, крутого,
Хочешь, валенки сниму,
Как пушинку подниму.
Ангел в светлой паутине
В золотой стоит овчине,
Свет фонарного луча –
До высокого плеча.
Разве кошка, вострепнувшись,
Черным зайцем обернувшись,
Вдруг простегивает путь,
Исчезая где-нибудь...
Как дрожала губ малина,
Как поила чаем сына,
Говорила наугад,
Ни к чему и не попад.
Как нечаянно запнулась,
Изолгалась, улыбнулась –
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым
И за кипенем садовым
Заресничная страна, –
Там ты будешь мне жена.
Выбрав валенки сухие
И тулупы золотые,
Взявшись за руки, вдвоем
Той же улицей пойдем,
Без оглядки, без помехи
На сияющие вежи –
От зари и до зари
Налитые фонари.
1925

«Из табора улицы темной...»
Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным за мельничным
шумом...
Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью – нет, с муравьиной
кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.
В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой
светлой;
И то, что я знаю о яблочной розовой коже...
Но все же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше
не надо,
я не хочу твоего замороженного винограда!

4

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.

5

Руку платком обмотай и в венценосный
шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста, ее погрузи. Добудем розу
без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу –
Розовый мусор – муслин – лепесток
и для шербета негодный дичок, не дающий
соломоновыи –
ни масла, ни запаха.

6

Орущих камней государство –
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружию зовущая –
Армения, Армения!
К трубам серебряным Азии вечно летящая –
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая –
Армения, Армения!

7

Не развалины – нет, – но порубка могучего
циркульного леса,
Якорные пни поваленных дубов звериного
и басенного христианства,
Рулоны каменного сукна на капителях, как товар
из языческой разграбленной лавки,
Виноградины с голубиное яйцо, завитки
бараньих рогов
И нахохленные орлы с совиными крыльями,
еще не оскверненные Византией.

8

Холодно розе в снегу:
На Севане снег в три аршина...
Вытащил горный рыбак расписные лазурные
сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу
На известковом дне.
А в Эривани и в Эчмиадзине
Весь воздух выпила огромная гора,
Ее бы приманить какой-то окариной
Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.
Снега, снега, снега на рисовой бумаге,
Гора плывет к губам.
Мне холодно. Я рад...

9

О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.
А за нею с узелками сыра,
Еле дух переводя, бегут курдины,
Примирившие дьявола и Бога,
Каждому воздавши половину...

10

Какая роскошь в нищенском селенье –
Волосная музыка воды!
Что это? пряжа? звук? предупрежденье?
Чур-чур меня! Далеко ль до беды!
И в лабиринте влажного распева
Такая душная стрекочет мгла,
Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.

11

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

12

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.
16 октября – 5 ноября 1930 г.

* * *

Не говори никому,
Все, что ты видел, забудь –
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь.
Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.
Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.
Октябрь 1930

* * *

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка – армянская речь,
Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.
А близорукое шахское небо –
Слепорожденная бирюза –
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин.
Октябрь 1930

* * *

На полицейской бумаге верже
Ночь наглоталась колючих ершей –
Звезды живут, канцелярские птички,
Пишут и пишут свои раппортички.
Сколько бы им ни хотелось мигать,
Могут они заявленье подать,
И на мерцанье, писанье и тленье
Возобновляют всегда разрешенье.
Октябрь 1930

* * *

Дикая кошка – армянская речь –
Мучит меня и царапает ухо.
Хоть на постели горбатой прилечь:
О, лихорадка, о, злая моруха!
Падают вниз с потолка светляки,
Ползают мухи по липкой простыне,
И маршируют повзводно полки
Птиц голенастых по желтой равнине.

Страшен чиновник – лицо как тюфяк,
Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный – мать твою так! –
Без подорожной в армянские степи.
Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, –
Старый повытчик, награвив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.
Грянет ли в двери знакомое: – Ба!
Ты ли, дружище, – какая издевка!
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?..
Были мы люди, а стали людье,
И суждено – по какому разряду? –
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.
Ноябрь 1930

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.
Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.
декабрь 1930

* * *

С миром державным я был лишь ребячески
связан,
Устриц боялся и на гвардейцев смотрел
исподлобья –
И ни крупницей души я ему не обязан,
Как я ни мучил себя по чужому подобию.
С важностью глупой, насупившись, в митре
бобровой

Я не стоял под египетским портиком банка,
И над лимонной Невою под хруст сторублевый
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.
Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних – от тех европейнок
нежных –

Сколько я принял смущенья, надсады и горя!
Так отчего ж до сих пор этот город довлеет
Мыслям и чувствам моим по старинному праву?
Он от пожаров еще и морозов наглее –
Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый!
Не потому ль, что я видел на детской картинке
Лэди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю еще про себя под сурдинку:
– Лэди Годива, прощай... я не помню, Годива...
январь 1931

* * *

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,
А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,
Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

Январь 1931

* * *

Ma voia aigre et fausse...

P. Verlain[4]

Я скажу тебе с последней

Прямотой:

Все лишь бредни – шерри-бренди, –

Ангел мой.

Там, где эллину сияла

Красота,

Мне из черных дыр зияла

Срамота.

Греки сбондили Елену

По волнам,

Ну, а мне – соленой пеной

По губам.

По губам меня помажет

Пустота,

Строгий кукиш мне покажет

Нищета.

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли –

Все равно;

Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино.

Я скажу тебе с последней

Прямотой:

Все лишь бредни – шерри-бренди, –

Ангел мой.

2 марта 1931

* * *

Колют ресницы. В груди прикипела слеза.

Чую без страху, что будет и будет гроза.

Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.

Душно – и все-таки до смерти хочется жить.

С нар приподнявшись на первый раздавшийся

звук,

Дико и сонно еще озираясь вокруг,

Так вот бушлатник шершавую песню поет

В час, как полоской заря над острогом встает.

2 марта 1931

* * *

За гремящую доблесть грядущих веков,

За высокое племя людей, –

Я лишился и чаши на пире отцов,

И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,

Но не волк я по крови своей:

Запихай меня лучше, как шапку, в рукав

Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,

Ни кровавых костей в колесе;

Чтоб сияли всю ночь голубые песцы

Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей

И сосна до звезды достает,

Потому что не волк я по крови своей

И меня только равный убьет.

17-18 марта 1931, конец 1935

* * *

Жил Александр Герцевич,

Еврейский музыкант, –

Он Шуберта наворачивал,

Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,

Заученную вхруст,

Одну сонату вечную

Играл он наизусть...

Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич, –
Чего там? Все равно!
Пуškai там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:
Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...
Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич.
Чего там! Все равно!
27 марта 1931

* * *

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчицью спину – Москву,
Я трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.
Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»
Посмотреть, кто скорее умрет,
А она то сжимается, как воробей,
То растет, как воздушный пирог.
И едва успевает грозить из угла –
Ты как хочешь, а я не рискну!
У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объездить всю курву Москву.
Апрель 1931

Неправда
Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
– Дай-ка я на тебя погляжу,
Ведь лежать мне в сосновом гробу.
А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.
– Захочу, – говорит, – дам еще... –
Ну, а я не дышу, сам не рад.
Шасть к порогу – куда там – в плечо
Уцепилась и тащит назад.
Вошь да глушь у нее, тишь да мша, –
Полуспаленка, полутюрьма...
– Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.
4 апреля 1931

* * *

Я пью за военные астры, за все, чем корили меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь
петербургского дня.
За музыку сосен савойских, Полей Елисейских
бензин,
За розу в кабине рольс-ройса и масло парижских
картин.
Я пью за бискайские волны, за сливок
альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний
хинин.
Я пью, но еще не придумал – из двух выбираю
одно:
Веселое асти-спуманте иль папского замка вино.
11 апреля 1931
Рояль
Как парламент, жующий фронду,
Вяло дышит огромный зал –

Не идет Гора на Жиронду,
И не крепнет сословий вал.
Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф –
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.
Разве руки мои – кувалды?
Десять пальцев – мой табунок!
И вскочил, отряхая фалды,
Мастер Генрих – конек-горбунок.

..... * * *
Чтобы в мире стало просторней,
Ради сложности мировой,
Не втирайте в клавиши корень
Сладковатой груши земной.
Чтоб смолою соната джина
Проступила из позвонков,
Нюрнбергская есть пружина,
Выпрямляющая мертвецов.
16 апреля 1931
* * *

– Нет, не мигрень, – но подай карандашик
ментоловый, –
Ни поволоки искусства, ни красок пространства
веселого!
Жизнь начиналась в корыте картавою мокрою
шопотью,
И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.
Где-то на даче потом в лесном переплете
шагреновом
Вдруг разгорелась она почему-то огромным
пожаром сиреневым...
– Нет, не мигрень, но подай карандашик
ментоловый, –
Ни поволоки искусства, ни красок пространства
веселого!
Дальше сквозь стекла цветные, сощурясь,
мучительно вижу я:
Небо, как палица, грозное, земля, словно
плешина, рыжая...
Дальше – еще не припомню – и дальше
как будто оборвано:
Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою
ворванью...
– Нет, не мигрень, но холод пространства
бесполого,
Свист разрываемой марли да рокот гитары
карболовой!

23 апреля 1931
* * *

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья
и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный
деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть
черна и сладима,
чтобы в ней к Рождеству отразилась семью
плавниками звезда.
И за это, отец мой, мой друг и помощник мой
грубый,
я – непризнанный брат, отщепенец в народной
семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
чтобы в них татарва опускала князей на бадье.
Лишь бы только любили меня эти мерзлые
плахи –
Как прицелясь на смерть городки зашибают
в саду, –

Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной
рубашке
И для казни петровской в лесу топориче найду.
3 мая 1931
* * *

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.
С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах
узких железных.

В черной оспе блаженствуют кольца бульваров...
Нет на Москву и ночью угомону,
Когда покой бежит из-под копыт...
Ты скажешь – где-то там на полигоне
два клоуна засели – Бим и Бом,
И в ход пошли гребенки, молоточки,
То слышится гармоника губная,
То детское молочное пьянино:
– До-ре-ми-фа
И соль-фа-ми-ре-до.

Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклеенном резиновом пальто
В широкую разлапицу бульваров,
Где спичечные ножки цыганочки в подоле
бьются длинном,

Где арестованный медведь гуляет –
Самой природы вечный меньшевик.
И пахло до отказа лавровишней...
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен...

Я подтяну бутылочную гирьку
Кухонных крупно скачущих часов.
Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить,
ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...
Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать – для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь
их предал?

Мы умрем как пехотинцы,
Но не прославим ни хищи, ни поденщины,
ни лжи.

Есть у нас паутинка шотландского старого пледа.
Ты меня им укроешь, как флагом военным,
когда я умру.

Выпьем, дружок, за наше ячменное горе,
Выпьем до дна...

Из густо отработавших кино,
Убитые, как после хлороформа,
Выходят толпы – до чего они венозны,
И до чего им нужен кислород...
Пора вам знать, я тоже современник,
я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
как я ступать и говорить умею!

Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!

Я говорю с эпохой, но разве
душа у ней пеньковая и разве
она у нас постыдно прижилась,
как сморщенный зверек в тибетском храме:
Почешется и в цинковую ванну.
– Изобрази еще нам, Марь Иванна.
Пусть это оскорбительно – поймите:
Есть блуд труда, и он у нас в крови.
Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чаёт –
за карий глаз, за воробьиный хмель.
И словно пневматическую почту

Иль студенец медузы черноморской
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты-шелапуты.
Май – 4 июня 1931

* * *

Еще далеко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
Еще меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, ни аза:
Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь,
Но в глубине ничуть не изменяюсь.
Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильма воровской.
Я как щенок кидаюсь к телефону
На каждый истерический звонок.
В нем слышно польское: «дзенкую, пане»,
Иногородний ласковый упрек
Иль неисполненное обещанье.
Все думаешь, к чему бы приохотиться
Посереде хлопушек и шутих, –
Перекипишь, а там, гляди, останется
Одна сумятица и безработица:
Пожалуйста, прикуривай у них!
То усмехнусь, то робко приосанюсь
И с белорукой тростью выхожу;
Я слушаю сонаты в переулках,
У всех ларьков облизываю губы,
Листаю книги в глыбких подворотнях –
И не живу, и все-таки живу.
Я к воробьям пойду и к репортерам,
Я к уличным фотографам пойду, –
И в пять минут – лопаткой из ведерка –
Я получу свое изображение
Под конусом лиловой шах-горы.
А иногда пушусь на побегушки
В распаренные душные подвалы,
Где чистые и честные китайцы
Хватают палочками шарики из теста,
Играют в узкие нарезанные карты
И водку пьют, как ласточки с Ян-дзы.
Люблю разъезды скворчащих трамваев,
И астраханскую икру асфальта,
Накрытую соломенной рогожей,
Напоминающей корзинку асти,
И страусовы перья арматуры
В начале стройки ленинских домов.
Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кашеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи,
Дивлюсь рогатым митрам Тициана
И Тинторетто пестрому дивлюсь
За тысячу крикливых попугаев.
И до чего хочу я разыгаться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду,
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков,
Сказать ему: нам по пути с тобой.
Май – 19 сентября 1931

* * *

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.
Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.
Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,
Я постепенно скорость разовью –
Холодным шагом выйдем на дорожку –
Я сохранил дистанцию мою.

7 июня 1931

фаэтонщик
На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали –
Было страшно, как во сне.
Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.
То гортанный крик араба,
То бессмысленное «цо», –
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо:
Под кожаную маску
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.
И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы –
Закружились фаэтоны,
Постоялые двory...
Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил – черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!
Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...
Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.
И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

12 июня 1931

* * *

Сегодня можно снять декалькомани,
Мизинец окунув в Москву-реку,
С разбойника Кремля. Какая прелесть
Фисташковые эти голубятни:
Хоть проса им насыпать, хоть овса...
А в недорослях кто? Иван Великий –
Великовозрастная колокольня –
Стоит себе еще болван болваном
Который век. Его бы за границу,
Чтоб доучился... Да куда там! Стыдно!
Река Москва в четырехтрубном дыме
И перед нами весь раскрытый город:

Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули!
Мне кажется, как всякое другое,
Ты, время, незаконно. Как мальчишка
За взрослыми в морщинистую воду,
Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу...
Уж я не выйду в ногу с молодежью
На разлинованные стадионы,
Разбуженный повесткой мотоцикла,
Я на рассвете не вскочу с постели,
В стеклянные дворцы на курьих ножках
Я даже тенью легкой не войду.
Мне с каждым днем дышать все тяжелее,
А между тем нельзя повременить...
И рождены для наслажденья бегом
Лишь сердце человека и коня.
И Фауста бес – сухой и моложавый –
Вновь старику кидается в ребро
И подбивает взять почасно ялик,
Или махнуть на Воробьевы горы,
Иль на трамвае охлестнуть Москву.
Ей некогда. Она сегодня в няньках.
Все мечется. На сорок тысяч люлек
Она одна – и пряжа на руках.
25 июня – август 1931
* * *

Там, где купальни, бумагопрядильни
И широчайшие зеленые сады,
На реке Москве есть светоговорильня
С гребешками отдыха, культуры и воды.
Эта слабогрудая речная волокита,
Скучные-нескучные, как халва, холмы,
Эти судоходные марки и открытки,
На которых носимся и несемся мы.
У реки Оки вывернуто веко,
Оттого-то и на Москве ветерок.
У сестрицы Клязьмы загнулась ресница,
Оттого на Яузе утка плывет.
На Москве-реке почтовым пахнет клеем,
Там играют Шуберта в раструбы рупоров.
Вода на булавках и воздух нежнее
Лягушиной кожи воздушных шаров.
Май 1932

Ламарк

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.
Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.
Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.

Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:

Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила –

Так, как будто мы ей не нужны,

И продольный мозг она вложила,

Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,

Опоздала опустить для тех,

У кого зеленая могила,

Красное дыханье, гибкий смех...

7 – 9 мая 1932

Импрессионизм

Художник нам изобразил

Глубокий обморок сирени

И красок звучные ступени

На холст, как стружья, положил.

Он понял масла густоту –

Его запекшееся лето

Лиловым мозгом разогрето,

Расширенное в духоту.

А тень–то, тень все лиловой,

Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет, –

Ты скажешь: повара на кухне

Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,

Недомалеваны вуали,

И в этом солнечном развале

Уже хозяйничает шмель.

23 мая 1932

* * *

Дайте Тютчеву стрекозу –

Догадайтесь почему!

Веневитинову – розу.

Ну, а перстень – никому.

Боратынского подошвы

Изумили прах веков,

У него без всякой прошвы

Наволочки облаков.

А еще над нами волен

Лермонтов, мучитель наш,

И всегда одышкой болен

Фета жирный карандаш.

Май 1932

Батюшков

Словно гуляка с волшебною тростью,

Батюшков нежный со мною живет.

Он тополями шагает в замостье,

Нюхает розу и Дафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,

Кажется, я поклонился ему:

В светлой перчатке холодную руку

Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.

И не нашел от смущения слов:

– Ни у кого – этих звуков изгибы...

– И никогда – этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,

Косноязычный, с собой он принес –

Шум стихотворства и колокол братства,

И гармонический проливень слез.

И отвечал мне оплакавший Тасса:

– Я к величаньям еще не привык;

Только стихов виноградное мясо

Мне освежило случайно язык...

что ж! Поднимай удивленные брови
Ты, горожанин и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...
18 июня 1932

Стихи о русской поэзии

1

Сядь, Державин, развалился, –
Ты у нас хитрее лиса,
И татарского кумыса
Твой початок не прокис.
Дай языкову бутылку
И подвинь ему бокал.
Я люблю его ухмылку,
Хмеля бьющую жилку
И стихов его накал.
Гром живет своим накатом –
Что ему до наших бед?
И глотками по раскатам
Наслаждается мускатом
На язык, на вкус, на цвет.
Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой,
Пахнет потом – конским топом –
Нет – жасмином, нет – укропом,
Нет – дубовою корой.

2

Зашумела, задрожала,
Как смоковницы листва,
До корней затрепетала
С подмосковными Москва.
Катит гром свою тележку
По торговой мостовой,
И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой.
И угодливо поката
Кажется земля, пока
Шум на шум, как брат на брата,
Восстают издалека.
Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой
С рабским потом, конским топом
И древесною молвой.

4 июля 1932

3

С. А. Клычкову

Полюбил я лес прекрасный,
Смешанный, где козырь – дуб,
В листьях клена перец красный,
В иглах – еж-черноголуб.
Там фисташковые молкнут
Голоса на молоке,
И когда захочешь щелкнуть,
Правды нет на языке.
Там живет народец мелкий –
В желудевых шапках все –
И белок кровавый белки
Крутят в страшном колесе.
Там щавель, там вымя птичье,
Хвой павлинья кутерьма,
Ротозейство и величье
И скорлупчатая тьма.
Тычут шпагами шишиги,
В треуголках носачи,
На углях читают книги
С самоваром палачи.
И еще грибы-волнушки,

В сбруе тонкого дождя,
Вдруг поднимутся с опушки –
Так, немного погодя...
Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды –
Кто кого? Пошел развал...
И деревья – брат на брата –
Восстают. Понять спешу:
До чего аляповаты,
До чего как хороши!
3 – 7 июля 1932
К немецкой речи
Б.С. Кузину

Freund! Versäume nicht zu leben:

Denn die Jahre fliehn,

Und es wird der Saft der Reben

Uns nicht lange glühn!

Ев. Chr. Kleist[5]
Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,
Мне хочется уйти из нашей речи
За все, чем я обязан ей бессрочно.
Есть между нами похвала без лести
И дружба есть в упор, без фарисейства –
Поучимся ж серьезности и чести
На западе у чуждого семейства.
Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера,
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера...
Еще во Франкфурте отцы зевали,
Еще о Гете не было известий,
Слагались гимны, кони гарцевали
И, словно буквы, прыгали на месте.
Скажите мне, друзья, в какой Валгалле
Мы вместе с вами щелкали орехи,
Какой свободой мы располагали,
Какие вы поставили мне вехи.
И прямо со страницы альманаха,
От новизны его первостатейной,
Сбегали в гроб ступеньками, без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.
Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.
Когда я спал без облика и склада,
Я дружбой был, как выстрелом, разбужен.
Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык – он мне не нужен.
Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился, слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.
8 – 12 августа 1932

Ариост

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип.
Он наслаждается перечисленьем рыб
И перчит все моря нелепицею злейшей.
И, словно музыкант на десяти цимбалах,
Не уставая рвать повествованья нить,

Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть,
Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси –
Он завирается, с Орландом куролеся,
И содрогаются, преображаясь весь.
И морю говорит: шуми без всяких дум,
И деве на скале: лежи без покрывала..
Рассказывай еще – тебя нам слишком мало,
Покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум.
О город ящериц, в котором нет души, –
Когда бы чаще ты таких мужей рожала,
Феррара черствая! Который раз сначала,
Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеши!
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея,
А он вельможится все лучше, все хитрее
И улыбается в крылатое окно –
Ягненку на горе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока,
И в сетке синих мух уснувшему дитяти.
А я люблю его неистовый досуг –
Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки..
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг.
Любезный Ариост, быть может, век пройдет –
В одно широкое и братское лазорье
Сольем твою лазурь и наше черноморье.
...И мы бывали там. И мы там пили мед..
4 – 6 мая 1933

Ариост
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.
Над розой мускусной жужжание пчелы,
В степи полуденной – кузнечик мускулистый.
Крылатой лошади подковы тяжелы,
Часы песочные желты и золотисты.
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси,
Как плющ назойливый, цепляющийся весь,
Он мужественно врет, с Орландом куролеся.
Часы песочные желты и золотисты,
В степи полуденной кузнечик мускулистый –
И прямо на луну влетает враль плечистый..
Любезный Ариост, посольская лиса,
Цветущий папоротник, парусник, столетник,
Ты слушал на луне овсянок голоса,
А при дворе у рыб – ученый был советник.
О, город ящериц, в котором нет души, –
От ведьмы и судьи таких сынов рожала
Феррара черствая и на цепи держала,
И солнце рыжего ума взошло в глуши.
Мы удивляемся лавчонке мясника,
Под сеткой синих мух уснувшему дитяти,
Ягненку на дворе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока, –
И свежей, как заря, удивлены утрате..
Май 1933, июль 1935

* * *

Не искушай чужих наречий, но постарайся
их забыть:
ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами
укусить.
О, как мучительно дается чужого клекота полет –

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Таковую ухлопает моль.
И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.
Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать,
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.
И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.
Ноябрь 1933

* * *

У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови –
На баюшки-баю похожи
И баю борьбу объяви.
И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою.
Ноябрь 1933

Восьмистишия

1

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок –
Не знавшее люльки дитя.
Ноябрь 1933, июль 1935

2

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.
Ноябрь 1933 – январь 1934

3

О бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся, –
Жизняночка и умираючка,
Такая большая – сия!
С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья – боюсь!
Ноябрь 1933 – январь 1934

4

Шестого чувства крошечный придаток
Иль ящерицы теменной глазок,
Монастыри улиток и створчаток,
Мерцающих ресничек говорок.
Недостижимое, как это близко –
Ни развязать нельзя, ни посмотреть, –
Как будто в руку вложена записка
И на нее немедленно ответить...
Май 1932 – февраль 1934

5

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон.
В земной коре юродствуют породы,
И как руда из груди рвется стон.
И тянется глухой недоразвитой
Как бы дорогой, согнутою в рог,
Понять пространства внутренний избыток
И лепестка и купола залог.
Январь – февраль 1934

6

Когда, уничтожив набросок,
Ты держишь прилежно в уме
Период без тягостных сносок,
Единый во внутренней тьме,
И он лишь на собственной тяге
Зажмурившись, держится сам,
Он так же отнесся к бумаге,
Как купол к пустым небесам.
Ноябрь 1933 – январь 1934

7

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.
Ноябрь 1933 – январь 1934

8

И клена зубчатая лапа
Купается в круглых углах,
И можно из бабочек крапа
Рисунки слагать на стенах.
Бывают мечети живые –
И я догадался сейчас:
Быть может, мы Айя-София
С бесчисленным множеством глаз.
Ноябрь 1933 – январь 1934

9

Скажи мне, чертежник пустыни,
Арабских песков геометр,
Ужели безудержность линий
Сильнее, чем дующий ветер? –
Меня не касается трепет
Его иудейских забот –
Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьет...
Ноябрь 1933 – январь 1934

10

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит,
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.
Ноябрь 1933, июль 1935

11

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.
И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, –
Безлиственный, дикий лечебник,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Задачник огромных корней.
Ноябрь 1933 – июль 1935
Стихи памяти Андрея Белого
* * *

Голубые глаза и горячая лобная кость –
Мировая манила тебя молодящая злость.
И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.
На тебя надевали тиару – юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель,
дурак!

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...
Собиратель пространства, экзамены сдавший
птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент,
бубенец...

Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.
Часто пишется казнь, а читается правильно –
песнь,

Может быть, простота – уязвимая смертью
болезнь?

Прямизна нашей речи не только пугач
для детей –

Не бумажные дести, а вести спасают людей.
Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мертвого жирные карандаши.
На коленях держали для славных потомков

листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.
Меж тобой и страной ледяная рождается
связь –

Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно
прямясь.

Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...

10 – 11 января 1934

10 января 1934

Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...

О Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна.
Где первородство? где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?

Где вежество? где горькая украдка?
Где ясный стан? где прямизна речей,
Запутанных, как честные зигзаги

У конькобежца в пламень голубой, –
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.

Ему солей трехъярусных растворы,
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.

И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
Не ради слуха или неги ради,
Лиясь для мышц и бьющихся висков,
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот –
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.

А посреди толпы стоял гравировальщик,

Готовясь перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.
Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий, и тянувшийся весь, –
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...
16 января 1934

* * *

Когда душе, и торопкой, и робкой,
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виющеюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна.
Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка
Иль звука первенца в блистательном собраньи,
Что льется внутрь – в продольный лес смычка,
Что льется вспять, еще ленясь и мерясь
То мерой льна, то мерой волокна,
И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна, –
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.
Январь 1934

* * *

Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы,
И, озираючись, пустынными брегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.
Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки.
Январь 1934

* * *

А посреди толпы, задумчивый, брадатый,
Уже стоял гравер – друг меднохвойных досок,
Трехъярой окисью облитых в лоск покатым,
Накатом истины сияющих сквозь воск.
Как будто я повис на собственных ресницах
В толпокрылатом воздухе картин
Тех мастеров, что насаждают в лицах
Порядок зрения и многолюдства чин.
Январь 1934

* * *

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч!
Усмирен мужской опасный нором,
Не звучит утопленница-речь.
Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры: на, возьми!
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.
Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.
Маком бровки мечен путь опасный.
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?..
Не серчай, турчанка дорогая:
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.
Ты, Мария, – гибнущим подмога,

Надо смерть предупредить – уснуть.

Я стою у твердого порога.

Уходи, уйди, еще побудь.

После 14 февраля 1934

* * *

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.
Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.
Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.
Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.
Февраль 1934

Воронежские стихи

Чернозем

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, –
Кочочки влажные моей земли и воли..
В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа –
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то.
И все-таки, земля – проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай:
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазябливает ухо..
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен,
глазаст..

Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935

* * *

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте,
А небо, небо – твой Буонаротти..
Апрель 1935

* * *

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, –
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож..
Апрель 1935

* * *

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далеко убегает гать.
Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.
И богато искривилась половица –
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится
И своя-то жизнь мне не близка.
Апрель 1935

* * *

Наушнички, наушники мои!
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса Аи
И в полночь с Красной площади гудочки..
Ну как метро? Молчи, в себе таи,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса,
Ехала конная, пешая шла черноверхая масса –
Расширеньем аорты могущества в белых
ночах – нет, в ножах –
Глаз превращался в хвойное мясо.
На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко!
Чтобы двойка конвойного времени парусами
неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот
ГПУ?
Чтобы Пушкина чудный товар не пошел
по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя
пушкиноведов –
Молодые любители белозубых стишков.
На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко!

Поезд шел на Урал. В раскрытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой...
За бревенчатым тылом, на ленте простынной
Утонуть и вскочить на коня своего!
Апрель – май 1935

Кама

1
Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.
В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея, в воде.
Упиралась вода в сто четыре весла –
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.
Так я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.
А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.

2
Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.
В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея, в воде.
Упиралась вода в сто четыре весла,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.
Чернолюдьем велик, мелколесьем сожжен
Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.
На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
И речная верста поднялась в высоту.

3
Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток,
Полноводная Кама неслась на буюк.
И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить.
И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми,
И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.
Апрель – май 1935

Стансы

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу – и люди хороши.
Люблю шинель красноармейской складки –
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покров,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили, а теперь – пойми:
Я должен жить, дыша и большевея
И перед смертью хорошея –
Еще побыть и поиграть с людьми!
Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
Как петушок в прозрачной летней тьме –
Харчи да харк, да что-нибудь, да враки –
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.
И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путаней салата –
Из дерева, стекла и молока...
Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла.
Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –
Я слышу в Арктике машин советских стук
Я помню все: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.
И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!
Май – июнь 1935

* * *

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых, лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы.
Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные, густеющие прядки.
Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые, лиловые чернила.
24 мая 1935

* * *

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну –
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.
Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки –
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!
Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.
И зенитных тысячи орудий –
Карих то зрачков иль голубых –

Шли нестройно – люди, люди, люди, –
Кто же будет продолжать за них?
Весна – лето 1935, 30 мая 1936
* * *

На мертвых ресницах Исакий замерз
И барские улицы сини –
Шарманщика смерть, и медведицы ворс,
И чужие поленья в камине...
Уже выгоняет выжлятник-пожар
Линеек раскидистых стайку,
Несется земля – мебелированный шар, –
И зеркало корчит всезнайку.
Площадками лестниц – разлад и туман,
Дыханье, дыханье и пенье,
И Шуберта в шубе застыл талисман –
Движенье, движенье, движенье...
3 июня 1935
* * *

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждении и в силе,
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле.
И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.
И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, италянясь, русея...
Я тяжкую память твою берегу –
Дичок, медвежонок, Миньона, –
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.
3 июня 1935, 14 декабря 1936
* * *

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов,
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.
Гуди, старик, дыши сладко.
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко,
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.
6–9 декабря 1936
* * *

Нынче день какой-то желторотый –
Не могу его понять –
И глядят приморские ворота
В якорях, в туманах на меня...
Тихий, тихий по воде линиялой
Ход военных кораблей,
И каналов узкие пеналы
Подо льдом еще черней.
9–28 декабря 1936
* * *

Детский рот жует свою мякину,
Улыбается, жуя,
Словно щеголь, голову закину
И щегла увижу я.
Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва красным шит,
Черно-желтый, до чего щегол ты,
До чего ты щегловит!
Подивлюсь на свет еще немного,
На детей и на снега, –
Но улыбка неподдельна, как дорога,

Непослушна, не слуга.

9–13 декабря 1936

* * *

Мой щегол, я голову закину –
Поглядим на мир вдвоем:
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?
Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли – до чего щегол ты,
До чего ты щегловит?
Что за воздух у него в надлобье –
Черни красен, желт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит – в обе! –
Не посмотрит – улетел!

10–27 декабря 1936

* * *

Внутри горы бездействует кумир
В покоях бережных, безбрежных и счастливых,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.
Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.
Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи,
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костю и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человеческий.

10–26 декабря 1936

* * *

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.
Вы, именитые вершины,
Дерев косматых именины, –
Честь Рюисдалевых картин, –
И на почин лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин.
Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.
Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво...
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.
А Дон еще как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа,
Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели...

15 – 27 декабря 1936

* * *

Эта область в темноводье –
Хляби хлеба, гроз ведро –
Не дворянское угодые –
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок –

Он на Африку похож.
Дайте свет – прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.
– Анна, Россошь и Гремячье, –
я твержу их имена,
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.
Я кружил в полях совхозных –
Полон воздуха был рот,
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны – реки обычной –
Белый-белый бел-покров.
Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда,
Воробьевского райкома
Не забуду никогда.
Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!
Только города немного
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В гуще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.
23 – 27 декабря 1936
* * *

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка.
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес – еловый?
Не еловый, а лиловый,
И какая там береза,
Не скажу наверняка –
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.
26 декабря 1936
* * *

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.
Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, –
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.
Но сильнее всего непрочно –
Выпуклых голубизна –
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...
29–30 декабря 1936
* * *

Твой зрачок в небесной корке,
Обращенный вдаль и ниц,
Защищают оговорки
Слабых, чующих ресниц.
Будет он обожествленный
Долго жить в родной стране –
Омут ока удивленный, –
Кинь его вдогонку мне.
Он глядит уже охотно

В мимолетные века –
Светлый, радужный, бесплотный,
Умоляющий пока.

2 января 1937

* * *

Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста, –
На холсте уста вселенной, но она уже не та:
В легком воздухе свирели раствори жемчужин

боль,

В синий, синий цвет синели океана въелась соль.
Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты,
На скале черствее хлеба – молодых тростинки

рощ,

И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 января 1937

* * *

Когда в ветвях понурых
Заводит чародей

Гнедых или каурых

Шушуканье мастей, –

Не хочет петь линючий

Ленивый богатырь –

И малый, и могучий

Зимующий снегирь, –

Под неба нависанье,

Под свод его бровей

В сиреневые сани

Усядусь поскорей.

9 января 1937

* * *

Дрожжи мира дорогие:

Звуки, слезы и труды –

У даренья дождевые

Закипающей беды

И потери звуковые –

Из какой вернуть руды?

В нищей памяти впервые

Чуешь вмятины слепые,

Медной полные воды, –

И идешь за ними следом,

Сам себе немил, неведом –

И слепой и поводырь...

12–18 января 1937

* * *

Еще не умер ты, еще ты не один,

Покуда с нищенкой-подругой

Ты наслаждаешься величием равнин

И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете

Живи спокоен и утешен.

Благословенны дни и ночи те,

И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,

Пугает лай и ветер косит,

И беден тот, кто сам полуживой

У тени милостыню просит.

15–16 января 1937

* * *

О, этот медленный, одышливый простор! –

Я им пресыщен до отказа, –

И отдышавшийся распахнут кругозор –

Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав

На берегах зубчатой камы:

Я б удержал ее застенчивый рукав,

Ее круги, края и ямы.

Я б с ней сработался – на век, на миг один –

Стремнин осадистых завистник, –
Я б слушал под корою текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый...
16 января 1937

* * *

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим,
И все растет вопрос: куда они, откуда
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, –
Народов будущих Иуда?
16 января 1937

* * *

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.
Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался плыть, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий.
Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.
18 января 1937

* * *

Я нынче в паутине световой –
Черноволокой, светло-русой, –
Народу нужен свет и воздух голубой,
И нужен хлеб и снег Эльбруса.
И не с кем посоветоваться мне,
А сам найду его едва ли:
Таких прозрачных, плачущих камней
Нет ни в Крыму, ни на Урале.
Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льянокудрю, каштановой волной –
Его звучаньем – умывался.
19 января 1937

* * *

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей – скалы подспорье и пособие?
А коршун где – и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?
Тому не быть: трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы –
Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба.
Он эхо и привет, он вежа, нет – лемех.
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех –
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.
19 января – 4 февраля 1937

* * *

Слышу, слышу ранний лед,
Шелестящий под мостами,
Вспоминаю, как плывет
Светлый хмель над головами.
С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.
Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,

Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами.
Или тень баклуши бьет
И позевывает с вами,
Иль шумит среди людей,
Греясь их вином и небом,
И несладким кормит хлебом
Неотвязных лебедей.

21 – 22 января 1937

* * *

Люблю морозное дыханье
И пара зимнего признание:
Я – это я, явь – это явь...
И мальчик, красный как фонарик,
Своих салазков государик
И заправила, мчится вплавь.
И я – в размолвке с миром, с волей –
Заразе саночек мирволю –
В серебристых скобках, в бахромах, –
И век бы падал векши легче,
И легче векши к мягкой речке –
Полнеба в валенках, в ногах...

24 января 1937

* * *

Средь народного шума и спеха,
На вокзалах и пристанях
Смотрит века могучая вежа
И бровей начинается взмах.
Я узнал, он узнал, ты узнала,
А потом куда хочешь влеки –
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданья у мощной реки.
Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак,
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.
Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.
Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чашах,
И в товарищах городах...
Не припомнить того, что было:
Губки жарки, слова черствы –
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.
А на деле-то было тихо,
Только шел пароход по реке,
Да за кедром цвела гречиха,
Рыба шла на речном говорке.
И к нему, в его сердцевину
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

январь 1937

* * *

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
И хочется мычать от всех замков и скрепок.
И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы –
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы...
И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке

И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке –
А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
– Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!
1 февраля 1937
* * *

Обороняет сон мою донскую сонь,
И разворачиваются черепах маневры –
Их быстроходная, взволнованная бронь
И любопытные ковры людского говора..
И в бой меня ведут понятные слова –
За оборону жизни, оборону
Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова..
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.
Необоримые кремлевские слова –
В них оборона обороны
И брони боевой – и бровь, и голова
Вместе с глазами любовно собраны.
И слушает земля – другие страны – бой,
Из хорового падающий короба:
– Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, –
И хор поет с часами рука об руку.
3–11 февраля 1937
* * *

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозою спят.
Простишь ли ты меня, великолепный брат
И мастер и отец черно-зеленой теми, –
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Мехами сумрака взволнованное племя.
4 февраля 1937
* * *

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен, –
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг, горька морей трава –
Ложноволосая – и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет..
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край – вот все мои права, –
И полной грудью их вдыхать еще я должен.
4 февраля 1937
* * *

Еще он помнит башмаков износ –
Моих подметок стертые величье,
А я – его: как он разноголос,
Черноволос, с Давид-горой гранича.
Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы:
Балкон – наклон – подкова – конь – балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы..
И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света, –
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето.
7–11 февраля 1937
* * *

Пою, когда гортань сыра, душа – суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:

Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
И грудь стесняется, – без языка – тиха:
Уже я не пою – поет мое дыханье –
И в горных ножнах слух, и голова глуха...
Песнь бескорыстная – сама себе хвала:
Утеха для друзей и для врагов – смола.
Песнь одноглазая, растущая из мха, –
Одноголосый дар охотничьего быта, –
Которую поют верхом и на верхах,
Держа дыханье вольно и открыто,
Забываясь лишь о том, чтоб честно и сердито
На свадьбу молодых доставить без греха.
8 февраля 1937

* * *

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всуе.
И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черноголосым:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.
О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить – сон и смерть минуя –
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...
8 февраля 1937

* * *

Как дерево и медь – Фаворского полет, –
В дощатом воздухе мы с временем соседи,
И вместе нас ведет слоистый флот
Распиленных дубов и яворовой меди.
И в кольцах сердится еще смола, сочась,
Но разве сердце – лишь испуганное мясо?
Я сердцем виноват – и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа.
Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей
Этой площади с ее знамен лесами.
11 февраля 1937

* * *

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой –
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.
Как близко, близко твой подходит зов –
До заповедей роды и первины –
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины...
Карающего пенья материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего – праматери – мизинца.
Неограниченна еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.
12 февраля 1937

Стихи о неизвестном солдате
Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его,
И в землянках всеядный и деятельный
Океан без окна – вещество...
До чего эти звезды изветливы!
Все им нужно глядеть – для чего?
В осужденье судьи и свидетеля,

В океан без окна, вещество.
Помнит дождь, неприветливый сеятель, –
Безымянная манна его, –
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.
Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.
И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет.
Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами –
Растяжимых созвездий шатры,
Золотые созвездий жиры..
Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молю нулей.
И за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем,
Весть летит светопыльной обновой,
И от битвы вчерашней светло.
Весть летит светопыльной обновой:
– Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
я не Битва Народов, я новое,
От меня будет свету светло.
Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте, –
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей!
Неподкупное небо окопное –
Небо крупных оптовых смертей, –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте –
За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных – пасмурный, оспенный
И приниженный – гений могил.
Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека –
Им обоим найдется работа,
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка, –
Эй, товарищество, шар земной!
Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб – от виска до виска, –

Фиалковый пролет газель перебежала,
И башнями скала вздохнула вдруг, –
И, влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

4 марта 1937

* * *

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной, –
Втридорога снегом напоенный,
Высоко занесся санный, сонный
Полу-город, полу-берег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтою мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженный.
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного голландского уклона,
Не раскаркается здесь веселая, кривая,
Карличья, в ушастых шапках стоя, –
И, меня сравнением не смущая,
Срежь рисунок мой, в дорогу крепкую влюбленный.
Как сухую, но живую лапу клена
Дым уносит, на ходулях убегая...

6 марта 1937

* * *

Я скажу это начерно, шёпотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.
И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище –
Раздвижной и прижизненный дом.

9 марта 1937

* * *

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.
Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.
Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...
И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Он раздастся и глубже и выше –
Отклик неба – в остывшую грудь.

9–19 марта 1937

* * *

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, чернеть, голубеть.
Если я не вчерашний, не зряшний, –
Ты, который стоишь надо мной,
Если ты виночерпий и чашник –
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружащейся башни –
Рукопашной лазури шальной.
Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих теней образцы, –
Лед весенний, лед вышний, лед вешний –

Облака, обаянья борцы, –
Тише: тучу ведут под уздцы.
9–19 марта 1937

* * *

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя –
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.
Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнава
Собирает в единый пучок.
Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом, –
Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, –
Только их не спугнуть, не изранить бы –
Хорошо, если мы доживем...
То, что я говорю, мне прости...
Тихо-тихо его мне прочти...
15 марта 1937

Рим

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, –
Древность легкая, летняя, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступьи над желтой водой, –
Голубой, онелепленный, пепельный,
В барабанном наросте домов –
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков, –
Превратили в убийства питомник
Вы, коричневой крови наемники,
Италийские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки...
Все твои, Микель Анджело, сироты,
Облеченные в камень и стыд, –
Ночь, сырая от слез, и невинный
Молодой, легконогий Давид,
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит, –
Мощь свободная и мера львиная
В усыплении и в рабстве молчит.
И морщинистых лестниц уступки –
В площадь льющихся лестничных рек, –
Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.
Ямы форума заново вырыты
И открыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.
16 марта 1937

* * *

Чтоб, приятель и ветра и капель,
Сохранил их песчаник внутри,
Нацарапали множество цапель
И бутылок в бутылках зари.
Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд,

Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид.
То ли дело любимец мой кровный,
Утешительно-грешный певец, –
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного права истец...
Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощанье отдав, в верещанье
Мир, который как череп глубок;
Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.
Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним не зазорно сидеть:
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть.

18 марта 1937

Кувшин

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды, –
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.
Флейты свищут, клеветуют и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном – и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 1937

* * *

Гончарами велик остров синий –
Крит зеленый, – запекся их дар
В землю звонкую: слышишь дельфинных
Плавников их подземный удар?
Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Расколослась на море и страсть.
Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожженный сосуд.
Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».
Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба – случайность,
И вода, говорящая «да».

21 марта 1937

* * *

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.
А ты в кругу лучись –
Другого счастья нет –
И у звезды учись
Тому, что значит свет.
Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шёпотом могуч
И лепетом согрет.
И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шёпотом лучу
Тебя, дитя, вручу...

23 марта – начало мая 1937

* * *

Флейты греческой тэта и йота –
Словно ей не хватало молвы –
Неизваянная, без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.
И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы, ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не размять.
А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин...
Звонким шепотом честолюбивым,
Вспоминающих топотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки – опрятен и скуп.
Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем –
Мором стала мне мера моя...
И свои-то мне губы не любы –
И убийство на том же корню –
И невольню на убыль, на убыль
Равноденствие флейты клоню.
7 апреля 1937

* * *

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.
Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.
Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
– Мы вернемся еще – разумеете...
Апрель 1937

* * *

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов –
Эту клятвoprеступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.
Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?
А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочную выдумкой пар.
30 апреля 1937

* * *

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась:
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.
– Подожди, – шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
– Мне бы только сына...
Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном..
Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови,
Жалится сестрица.
Ветер бархатный, крыластый
Дует в дудку тоже:
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.
Спросит гром своих знакомых:
– Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?
Да из свежих одиночеств
Леса – крики пташья.
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.
И к губам такие липнут
Клятвы, что по чести
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.
Все ее торопят часто:
– Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!

2 мая 1937

* * *

На меня нацелилась груша да черемуха –
Силою рассыпчатой бьет меня без промаха.
Кисти вместе с звездами, звезды вместе
С кистями, –
Что за двоевластье там? В чьем соцветьи истина?
С цветку ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух убиваемый кистенями белыми.
И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется – смешана, обрывчива.

4 мая 1937

Стихи к Н. Штемпель

I

К пустой земле неволью припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет – чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статья, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра только очертанье..
Что было поступь – станет недоступно..
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И все, что будет, – только обещанье.

4 мая 1937

Комментарии

При жизни О. Мандельштама увидели свет его поэтические книги «Камень» (первое

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru издание вышло в 1913 году в Санкт-Петербурге, второе – в конце 1915 года – на титульном листе проставлен 1916 – в Петрограде, третье – в 1923 году в Москве, по составу, композиции и проч. книги друг друга не повторяли), «Tristia» (вышла в конце 1921 года в Берлине, хотя на титульном листе обозначено «Петербург – Берлин», на обложке указан 1921 год, на титуле – 1922), «Вторая книга» (вышла в 1923 году в Москве) и «Стихотворения» (вышла в 1928 году в Ленинграде). В тридцатых годах поэту удавалось лишь изредка печататься в периодике, книгу издать так и не удалось. Многие произведения, и написанные ранее, и новые, остались неизданными и были опубликованы только через много лет после смерти автора.

В данном собрании представлено подавляющее большинство стихотворений О. Мандельштама. Все тексты приводятся по изданию «Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах. Том первый» (М., «Художественная литература», 1990). Авторское написание некоторых слов сохранено.

Стихотворения 1908 – 1925

Камень

«Звук осторожный и глухой...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

«Сусальным золотом горят...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

Сусальным золотом горят... – Сусальным золотом называются очень тонкие листы раскатанного золота, которые используются при золочении церковных куполов, корешков книг, игрушек. Также сусальным золотом одно время золотили пряники.

«Только детские книги читать...»

Впервые: альманах «Ковчег» (Феодосия, 1920).

«На бледно-голубой эмали...»

Впервые: «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Выпуск I. 1915.

«Есть целомудренные чары...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

Мной установленные лары. – Ларами в Древнем Риме назывались божества, хранители домашнего очага и семьи.

Я слушаю моих пенатов... – Название древнеримских божеств – охранителей домашних припасов и домашнего очага часто употребляется в значении «дом» и «семья» (отсюда и выражение «возвратиться к своим пенатам»).

«Дано мне тело – что мне делать с ним...»

Впервые: журнал «Аполлон», 1910, № 9. Стихи публиковались также под названием «Дыхание».

«Ни о чем не нужно говорить...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

Silentium

Впервые: журнал «Аполлон», 1910, № 9, без названия.

Останься пеной, Афродита... – По преданию, древнегреческая богиня любви и красоты Афродита родилась из морской пены.

«Слух чуткий парус напрягает...»

Впервые: «Северные записки», 1913, № 9.

«Из омута злого и вязкого...»

Впервые: журнал «Аполлон», 1911, № 5.

В отдельные издания сборника «Камень» стихотворение не входило.

Я вырос тростинкой, шурша... – В стихотворении слышен отзвук стихотворения Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865). Сам образ восходит к образу «мыслящей тростинки», предложенному французским философом и математиком Б.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Паскалем (1623 – 1662).

«Скудный луч, холодной мерою...»
Впервые: «Литературный альманах» (СПб., 1912, вышел в ноябре 1911).

«Воздух пасмурный влажен и гулок...»
Впервые: журнал «Златоцвет», 1914, № 1.

«Сегодня дурной день...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 1.

«Отчего душа так певуча...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 1.

Неожиданный Аквилон... – На латинском языке аквилоном назывался северный или северо-восточный ветер.

О, широкий ветер Орфея... – Герой древнегреческих мифов Орфей достиг величайших высот в искусстве пения.

Раковина
Впервые: «Камень» (Пб., 1913).

«О, небо, небо, ты мне будешь сниться...»
Впервые: «Северные записки», 1913, № 9, в качестве строфы стихотворения «Качает ветер тоненькие прутья...».

«Я вздрагиваю от холода...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 1.

«Я ненавижу свет...»
Впервые: «Камень» (Пб., 1913).

«Образ твой, мучительный и зыбкий...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 1.

«Нет, не луна, а светлый циферблат...»
Впервые: «Камень» (Пб., 1913).

Нет, не луна, а светлый циферблат... – Имеется в виду своеобразная «внешняя реклама»: изображение часов или большие бутафорские часы, вывешивавшиеся рядом с часовым магазином.

И Батюшкова мне противна спесь... – Упоминается русский поэт К.Н. Батюшков (1787 – 1855).

А он ответил любопытным: вечность! – К.Н. Батюшков был психически болен. Похожий эпизод имеется в записке, составленной его лечащим врачом.

«Паденье – неизменный спутник страха...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 8.

Царское Село
Впервые: «Камень» (Пб., 1913).

Стихотворение посвящено Г.В. Иванову (1894 – 1958), поэту, публиковалось также без посвящения.

Там улыбаются уланы... – Современники не могли не заметить фактическую ошибку: уланы не квартировали в Царском Селе.

Читая «Ниву» и Дюма... – В сферу чтения персонажей входят еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» (издавался с 1870 по 1918 год) и книги знаменитого французского романиста А. Дюма (1802 – 1870).

Лютеранин
Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 5.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Осенних роз мелькнула бутоньерка. – Бутоньерку, стеклянный сосуд наподобие пробирки, куда помещали цветок либо целый букетик, прикалывали к платью особой булавкой, так цветы дольше не теряли свежесть.

Айя–София

Впервые: журнал «Аполлон», 1913, № 3.

Айя–София – здесь остановиться... – Имеется в виду храм Софии в Константинополе (Стамбуле), построенный византийскими зодчими в 532 – 537 гг., одно из самых красивых и грандиозных строений за всю мировую историю.

И всем векам – пример Юстиниана... – Речь идет об императоре Восточной Римской империи Юстиниане I (482 – 565). Во время его правления процветали науки и искусства, строилось множество церквей, в том числе храм Софии.

Позволила эфесская Диана... – В малоазийском городе Эфесе находился храм Артемиды, согласно преданию, основанный амазонками. Этот храм считался одним из семи чудес света. Следует напомнить, что древнеримская богиня Луны – Диана – отождествлялась с древнегреческой Артемидой, богиней–девственницей и покровительницей охотников.

Расположил апсиды и экседры... – Апсидами в христианских храмах называют алтарные выступы – полукруглые или граненые, перекрытые полукуполом или сомкнутым полусводом, которые, как правило, ориентированы на восток. Полукруглая ниша в общественных или жилых зданиях у древних римлян и греков, экседра, иногда имела потолочное перекрытие, иногда находилась под открытым небом. По стене экседры располагались скамьи. Здесь проходили диспуты и беседы. В Средние века экседрой часто называли апсиду или иную пристройку к церкви, выступающую из общего плана.

На парусах, под куполом, четыре... – Парусом называется элемент купольной конструкции в форме сферического треугольника, который обеспечивает переход от квадратного в плане подкупольного пространства к окружности купола или купольного барабана.

Архангела прекраснее всего – Архангел – высший ангельский чин.

Народы и века переживет... – После 1453 года храм был превращен турками, завоевавшими к тому времени Константинополь, в мечеть.

И серафимов гулкое рыданье... – Упомянуты ангелы высшего разряда, серафимы, окружающие престол Господень, каждый серафим имеет по шесть крыльев.

Notre Dame

Впервые: журнал «Аполлон», 1913, № 3. Стихотворение публиковалось также без заглавия.

Стоит базилика, и – радостный и первый... – Базиликой называется прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн на 3 или 5 частей – нефов, причем средняя часть – средний неф – бывает выше и шире боковых нефов и завершается апсидой. Такой тип конструкции часто использовался для постройки храмов как в византийской, так в романской и готической архитектуре.

Здесь позаботилась подпружных арок сила... – Имеются в виду аркбутаны, наружные полуарки, соединяющие контрфорсы со стенами.

Петербургские строфы

Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 5.

Стихотворение посвящено Н.С. Гумилеву (1886 – 1921), поэту, лидеру акмеистов.

Над желтизной правительственных зданий... – Стены зданий, выстроенных в стиле ампира, красились в желтый цвет.

И государства жесткая порфира... – Упомянется порфира, пурпурная мантия, одна из царских регалий, тем не менее в этом стихотворении, так же как во всех стихах О. Мандельштама раннего периода, заметно влияние стилистики и философской концепции книги стихов М.А. Зенкевича (1891 – 1973) «дикая порфира» (1912).

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Как власяница грубая, бедна... – Власяницей называлась одежда, сделанная из волос какого-либо животного, которую носили аскеты или те, на кого было наложено церковное наказание.

Черпали воду ялики, и чайки... – Лодка с двумя либо с четырьмя веслами, ялик, использовалась обычно для переправы через реку.

Где, продавая сбитень или сайки... – Сбитень, напиток, делавшийся из меда с добавлением пряностей и кипятка, и сайка, разновидность белого хлеба, относились к доступным для народа лакомствам.

Чудак Евгений – бедности стыдится... – В данном случае Евгений, один из персонажей поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833), выступает как символ унижения и бесправия, человек с самого низа социальной лестницы, несмотря на то, что действие стихов О. Мандельштама разворачивается почти через столетие после знаменитого петербургского наводнения 1824 года.

«...Дев полуночных отвага...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 3.

Медный всадник и гранит... – В стихотворении слышен отзвук стихотворения А.С. Пушкина «Город пышный, город бедный...» (1828), где есть, кроме прочего, и строка «Скука, холод и гранит».

Слышу с крепости сигналы... – Наступление полдня в Петербурге, а впоследствии и в Ленинграде, отмечалось выстрелом из пушки с бастиона Петропавловской крепости. Пушечным выстрелом во внеурочное время горожан оповещали о приближающемся наводнении.

Бах
Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 9 – 10.

Где мелом – Себастьяна Баха... – Немецкий композитор И.С. Бах (1685 – 1750) был некоторое время органистом церкви Святого Фомы в Лейпциге, в этот период им написано большинство кантат, а также оркестровые сюиты, «Высокая месса» и т.д.

Лишь цифры значатся псалмов... – Номера псалмов, которые исполнялись в протестантском храме в этот день, записывались мелом на особой дощечке.

А ты ликуешь, как Исая... – Имеется в виду церковное песнопение «Исая, ликуй».

Играя внукам свой хорал... – Хоралом называется хоровое песнопение, в католической церкви унисонное, а в протестантской – многоголосое.

«Мы напряженного молчанья не выносим...»
Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 9 – 10.

Кошмарный человек читает «Улялюм». – Поэт В.А. Пяст (1886 – 1940), друг О. Мандельштама, декламировал со сцены стихи Э. По (1809 – 1849) на английском языке. В частности, он читал стихотворение «Улялюм» (1847).

Когда фонетика – служанка серафима – В стихотворении слышен отзвук стихов А.С. Пушкина «В часы забав и в праздной скуки...», где есть строки: «И внемлет арфе серафима // В священном ужасе поэт».

О доме Эшеров Эдгара пела арфа... – Упоминается новелла Э. По «Падение дома Эшеров» (1839).

«Заснула чернь. Зияет площадь аркой...»
При жизни автора напечатано не было.

В одном из автографов стихотворение имело название «Дворцовая площадь», впоследствии отброшенное.

Заснула чернь. Зияет площадь аркой... – Имеется в виду Арка Генерального штаба.

Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой... – Подразумевается император Павел I (1754 – 1801).

И Александра здесь замучил Зверь... – Хотя автор имеет в виду императора Александра I (1777 – 1825), возможно, что в какой-то мере здесь присутствует и память об А.С. Пушкине (аналогичная ситуация и в стихотворении «Кассандре»).

Адмиралтейство

Впервые: журнал «Аполлон», 1914, № 10.

Ладья воздушная и мачта-недотрога... – Кораблик-флюгер на шпигеле Адмиралтейства является одним из главных символов Петербурга.

Нам четырех стихий приязненно господство... – Среди украшений здания Адмиралтейства 28 статуй, символизирующих стихии, времена года и стороны света.

Сей целомудренно построенный ковчег... – Ковчегом назывался корабль Ноя, который, согласно библейскому преданию, спасся от Всемирного потопа и спас свою семью и по семь пар чистых и нечистых животных. Но надо учитывать, что ковчегом также назывались у евреев изукрашенный золотом ящик, а в православной церкви – ларец, где хранятся предметы, признаваемые священными.

Сердито лепятся капризные Медузы... – Имеется в виду деталь фасада Адмиралтейства.

Кинематограф

Впервые: журнал «Новый Сатирикон», 1914, № 22, 29 мая.

Так начинается лубочный // Роман красавицы графини. – Дешевые книжечки для народа, так называемые «лубочные романы», отличались простотой на грани с примитивизмом, аффектированными страстями и мелодраматическими перипетиями. Таким образом, любовный роман героини, показанный в фильме, столь же незатейлив. Следует отметить, что в раннем кинематографе сюжет будущего фильма часто заимствовался из бульварной литературы или из популярных песен и романсов.

И в испугу, как гитана... – Гитанами назывались испанские цыганки, но это слово использовалось и в качестве синонима слова «цыганка» вообще.

Затравленного фортепьяно... – Фильмы шли в сопровождении музыки. Самой распространенной формой музыкального сопровождения была игра тапера на пианино.

Чудовищный мотор несется... – В десятые годы слова «мотор» и «авто» употреблялись вместо слова «автомобиль».

Стрекочет лента, сердце бьется... – Стрекотание проекционного аппарата было одним из характерных звуков, связанных с кинематографом.

«Отравлен хлеб, и воздух выпит...»

Впервые: «Новая жизнь», 1914, № 1.

Иосиф, проданный в Египет... – Согласно библейскому преданию, Иосиф, одиннадцатый сын патриарха Иакова, был продан в египетское рабство своими завистливыми братьями.

Домби и сын

Впервые: журнал «Новый Сатирикон», 1914, № 7, 13 февраля.

Я вижу Оливера Твиста... – Упоминается главный герой романа «Приключения Оливера Твиста» (1838) английского писателя Ч. Диккенса (1812 – 1870).

Контора Домби в старом Сити... – Отсылка к названию романа Ч. Диккенса «Домби и сын» (1848). При этом следует учесть, что ни в предыдущем, ни в этом случае подробности, сообщаемые автором, не соответствуют романским реалиям.

И клетчатые панталоны... – Штаны в клетку носил друг поэта В.А. Пяст (см. комментарии к стихотворению «Мы напряженного молчанья не выносим...»), они стали настолько неотъемлемой частью его образа, что даже получили в литературной среде особое название «пясты».

Ахматова

Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 9 – 10 (журнал увидел свет в феврале 1914

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru г.), под названием «Анне Ахматовой». Стихотворение публиковалось также без заглавия.

В одной из рукописей стихотворение озаглавлено «Анна Ахматова».

Так – негодующая Федра... – В данном случае имеется в виду героиня трагедии французского драматурга Ж. Расина (1639 – 1699) «Федра» (пост. 1677), написанной на тему, заимствованную из античной мифологии. Стоит заметить, что в начале 1930-х годов О. Мандельштам перевел фрагмент этой пьесы.

Стояла некогда Рашель. – французская актриса Рашель (1821 – 1858) прославилась в роли Федры.

«Поговорим о Риме – дивный град...»
Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

В автографе более поздней редакции стихотворение озаглавлено «Рим».

Послушаем апостольское credo... – Кредо (по-латыни «верую») называется символ веры в католической церкви.

На Авентине вечно ждут царя... – Авентином назывался один из семи холмов, на которых, по преданию, был построен Рим. Земли Авентина были разделены между плебейми.

Дванадцатых праздников кануны... – Дванадцатыми праздниками назывались двенадцать особо чтимых православной церковью праздников, посвященных самым примечательным событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы.

И строго-канонические луны... – В Древнем Риме до 45 г. до н.э. использовался не солнечный, а лунный календарь.

Над форумом огромная луна... – Форумом в Древнем Риме называлась главная городская площадь четырехугольной формы, ограниченная со всех сторон зданиями. Форум был одновременно и рынком, и центром общественной жизни. В Риме имелось несколько форумов, возле главного находились храмы богов – покровителей города и общественные постройки.

О, холод католической тонзуры! – Тонзурой называется выстриженное место на макушке у католического духовенства.

«О временах простых и грубых...»
Впервые: «Голос жизни», 1915, № 14, 1 апреля.

И дворники в тяжелых шубах // На деревянных лавках спят. – По ночам дворники дежурили возле запертых ворот, чтобы припозднившийся жилец мог попасть домой.

Овидий пел арбу воловью... – Римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н.э. – ок. 18 н.э.) находился в изгнании в скифских землях возле устья Дуная.

«На площадь выбежав, свободен...»
Впервые: «Голос жизни», 1915, № 14, 1 апреля, с подзаголовком «Памяти Воронихина».

Известен также вариант названия – «Казанский собор».

На площадь выбежав, свободен... – Здесь и далее описывается Казанский собор, построенный в Санкт-Петербурге русским архитектором А.Н. Воронихиным (1759 – 1814).

Как легкий крестовик-паук... – Паук, с которым автор сравнивает здание Казанского собора, получил свое название благодаря имеющимся на верхней стороне бруска белым пятнам, образующим подобие креста.

Сквозь рощу портиков идешь. – Крытая галерея, открывающаяся на одну или три стороны, образуемая колоннами или арками, несущими перекрытие. Подобная архитектурная форма была популярна в Древнем Риме и в Древней Греции.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Равноденствие
Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

В тонических стихах единственная мера... – Автор ошибся: тоническое стихосложение основано на соизмеримости строк по количеству ударений в строке. Стихосложение, которое строится на упорядоченности долгих и кратких слогов и основано на соизмеримости строк по времени произношения, называется метрическим.

В природе длительность, как в метрике Гомера... – Легендарному древнегреческому поэту Гомеру приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи», которые написаны гекзаметром, и некоторых других произведений.

Как бы цезурой зияет этот день... – Цезурой в стихосложении называется постоянный словораздел в стихе.

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит...»
Впервые: журнал «Новый Сатирикон», 1915, № 26, 25 июля, под названием «Морожено!»

В молочные Альпы мечтанье летит. – Возможно, автор имел в виду не только большое количество мороженого, «целые горы», но еще и, по ассоциации, вспомнил о знаменитом швейцарском молочном шоколаде.

Бродячего ледника пестрая крышка... – Ледником назывался либо наполненный льдом погреб, где хранили продукты, либо специальный шкаф, предназначенный для той же цели. Но в данном случае описывается ящик, установленный на двуколке, где во льду стояли большие металлические банки с мороженым.

Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой... – То есть под палочкой, которой ели мороженое.

«Природа – тот же Рим и отразилась в нем...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать... – У древних греков такие гадания назывались гаруспициями, у древних римлян подобные гадания входили составной частью в систему предсказаний, которой пользовались авгуры.

«Пусть имена цветущих городов...»
Впервые: «Вечерняя звезда», 1918, 9 марта.

«Я не слышал рассказов Оссиана...»
Впервые: «Наши дни», 1915, № 3, 15 марта.

Я не слышал рассказов Оссиана... – Упоминается легендарный кельтский воин и бард, живший в III в. до н.э. в Ирландии. В конце XVIII века шотландец Дж. Макферсон (1769 – 1796) опубликовал свои сочинения, заявив, что они являются переводами найденных им подлинных песен Оссиана. Мистификация была быстро разоблачена, однако стихи по тематике и лирическому настрою так соответствовали духу эпохи предромантизма, что вызвали массу подражаний.

И снова скальд чужую песню сложит... – Скальдами назывались поэты в Норвегии и Исландии IX – XIII веков.

Европа
Впервые: журнал «Аполлон», 1914, № 6 – 7.

Европа в рублище Священного союза... – Священным союзом назывался союз европейских монархов, заключенный после поражения Наполеона для борьбы против революционного и национально-освободительного движения и обеспечения решений Венского конгресса 1814 – 1815 годов.

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта... – Автор уравнивает Наполеона Бонапарта (1769 – 1821), ставшего французским императором, с политическими деятелями Древнего Рима.

Гусиное перо направил Меттерних... – Австрийский политик и государственный деятель К. Меттерних (1773 – 1859) был одним из организаторов Священного союза.

Посох

Впервые: «Голос жизни», 1915, № 14, 1 апреля.

Ода Бетховену

Впервые: «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Выпуск I (Пг., 1915).

И в темной комнате глухого... – Немецкий композитор Л. ван Бетховен (1770 – 1827) был глух.

Кто по-крестьянски, сын фламандца... – Отец композитора был родом из города Антверпена.

Мир пригласил на ритуРНель... – По всей видимости, автор воспринимал музыкальный термин «ритуРНель» (вставка в начале или в конце большого фрагмента), как название танца.

О, Дионис, как муж, наивный... – Упоминается древнегреческий бог виноделия, сын Зевса и фиванской царицы Семелы. Из культовых песен, посвященных Дионису, развилось драматическое искусство.

«Уничтожает пламень...»

Впервые: журнал «Рудин», 1916, № 8.

«И поныне на Афоне...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

В авторизованном списке стихотворение имело название «Имя Божие».

И поныне на Афоне... – Греческая гора Афон (Святая гора) расположена на одноименном полуострове в восточной Греции. Здесь в 963 г. византийским монахом Афанасием был основан первый крупный монастырь. Вслед за ним появилось множество других. Первый русский монастырь появился на Афоне еще до 1016 года.

Имябожцы-мужики... – Имеются в виду члены русской религиозной секты имябожцев или имяславцев, которая возникла на Афоне в 1910 году. Синодом секта была признана еретической.

Чернецы осуждены... – Чернецом назывался монах, представитель черного духовенства.

Дворцовая площадь

Впервые: журнал «Аргус», 1917, № 4.

В одном из списков стихотворение названо «Императорский виссон», в автографе – «Зимний дворец».

Императорский виссон... – Белая льняная или хлопчатобумажная материя тонкой выделки, виссон упоминается в Священном Писании в качестве материала для одежды скинии, первосвященников и священников.

И моторов колесницы... – См. комментарии к стихотворению «Кинематограф».

Столпник-ангел вознесен. – Александрскую колонну, которая находится на Дворцовой площади, венчает изображение ангела.

В темной арке, как пловцы... – См. комментарии к стихотворению «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...».

Глухо плещутся торцы. – Копыта лошади или колеса какого-либо транспортного средства при соприкосновении с деревянными торцами, которыми были вымощены некоторые улицы и площади Петербурга, издавали своеобразный звук, сравниваемый тут с плеском воды.

Черно-желтый лоскут злится... – Имеется в виду императорский штандарт, где на желтом фоне был изображен черный двуглавый орел.

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

Я список кораблей прочел до середины... – Имеется в виду список кораблей, которые вышли в поход против Трои.

Куда плывете вы? Когда бы не Елена... – Прекраснейшая из женщин Елена, дочь Зевса и Леды, жена Менелая, была похищена сыном троянского царя Парисом. Это и стало причиной Троянской войны.

Что Троя вам одна, ахейские мужи? – Ахейцами назывались представители одного из древнегреческих племен. Первоначально ахейцы жили в северо-восточной части Греции, затем, начиная со II тысячелетия до н.э., постепенно заселили материковую часть Греции и некоторые острова Эгейского моря. У Гомера слово «ахейцы» выступает синонимом слова «греки».

«Обиженно уходят на холмы...»

Впервые: журнал «Борьба» (Киев), 1919, кн. 1.

Как Римом недовольные плебеи... – В Древнем Риме плебеями называли представителей низших классов. Они были ограничены в гражданских правах, изначально не имели права обращаться к богам гражданской общины от ее лица, не могли быть жрецами и производить ритуальные гадания, не имели права вступать в браки с патрициями. Введение республики на первых порах существенно ухудшило положение плебеев. Те не раз восставали и в конце концов стали полноправными римскими гражданами.

Старухи овцы – черные халдеи... – Халдеями именовались семитские племена, в первой половине I тысячелетия до н.э. обитавшие на окраинах Вавилонии. А в 626 – 538 гг. до н.э. могущественная халдейская династия правила Вавилоном, основав Нововавилонское царство. Во времена эллинизма халдеи считались магами, волхвами и звездочетами.

Им нужен царь и черный Авентин... – На Авентин (см. комментарии к стихотворению «Поговорим о Риме – дивный град...») и на Священную гору плебеи уходили во время борьбы с патрициями.

И горький дым жилища и овин. – В овине, специальной хозяйственной постройке, производили сушку снопов перед молотью.

Висит руно тяжелою волной. – Стихотворение написано в Коктебеле, и не в последнюю очередь образность его связана с местными пейзажами. Так, в этой строке вид овечьих стад как бы сливается с видом бухты, где волны, украшенные барашками, бродят стадами.

«С веселым ржанием пасутся табуны...»

Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

И римской ржавчиной окрасилась долина... – Стихотворение написано в августе 1915 года в Крыму, и в нем отразились впечатления поэта от крымской природы.

Я вспомню Цезаря прекрасные черты... – Речь идет о Гае Юлии Цезаре (102 либо 100 – 44 до н. э.), древнеримском государственном и политическом деятеле, полководце и писателе.

Здесь, Капитолия и Форума вдали... – Капитолием называется один из холмов, на которых был расположен Древний Рим. Тут стоял Капитолийский храм, где иногда заседал сенат, а на площади перед храмом устраивали народное собрание. О Форуме см. комментарии к стихотворению «Поговорим о Риме – дивный град...».

Я слышу Августа и на краю земли... – Имеется в виду Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.), римский император.

Да будет в старости печаль моя светла... – Отзвук стихотворения А.С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

Мне осень добрая волчицею была... – Ромула и Рема, легендарных основателей Рима, по преданию, вскормила волчица.

И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся. – Месяц август был назван в честь императора Октавиана Августа (см. выше).

«Я не увижу знаменитой «Федры»...»
Впервые: «Камень» (Пг., 1916).

Я не увижу знаменитой «Федры»... – См. комментарии к стихотворению «Ахматова».

Двойною рифмой оперенный стих... – О. Мандельштам неточен: для александрийского стиха, которым написана «Федра», характерна не двойная рифма, а парная рифмовка.

Как эти покрывала мне постылы... – Строка из трагедии «Федра» Ж. Расина.

Измученный безумством Мельпомены... – Искусством Мельпомены называют театральное искусство (по имени одной из девяти муз, покровительницы трагедии).

Tristia
Зверинец

Впервые: газета «Новая жизнь», 1917, 18 июня.

Среди первоначальных вариантов заглавий стихотворения «Ода миру во время войны», «Ода миру», «Ода воюющим державам», «Мир» (Ода)». В списке ранней редакции стихотворение названо «Миру» (Ода)». В дневнике современника стихотворение упоминается под названием «Дифирамб миру».

Козлиным голосом, опять... – Автор, вероятно, хотел напомнить, что «козлиная песнь» является буквальным переводом слова «трагедия», ведь в стихотворении идет речь о Первой мировой войне.

Поют косматые свирели. – Стоит сравнить этот образ с образом из «Книги джунглей» (1894) Р. Киплинга (1865 – 1936), где горло кричащего верблюда названо «волосатым тромбоном». Следует отметить, что в книге Р. Киплинга имеют место не только описания сражений, но и сквозной темой проходит вечное военное соперничество России и Англии.

Германец выкормил орла... – Орел является традиционным символом Германии.

И лев британцу покорился... – Изображение льва присутствует на гербе Великобритании.

И галльский гребень появился... – Петух (здесь как упоминание петушиного гребня) символизирует Францию.

Священной палицей Геракла... – Упоминается прославленный древнегреческий герой Геракл, сын Зевса и Алкмены, символ силы и мощи.

Орел и ласковый медведь... – Кроме символа Германии упоминается также символ России.

И в колыбели праарийской... – Арийскими народами считались народы, принадлежащие к индоевропейской языковой семье.

«В разноголосице девического хора...»
Впервые: «Альманах муз» (Пг., 1916).

Существует список стихотворения, где оно озаглавлено «Москва».

Что православные крюки поет черница... – На Руси для записи музыки использовались не ноты, а особые значки, так называемые «крюки».

Напоминают мне явление Авроры... – Имеется в виду богиня утренней зари в Древнем Риме.

«На розвальнях, уложенных соломой...»
Впервые: «Альманах муз» (Пг., 1916).

На розвальнях, уложенных соломой... – Розвальнями называются низкие и широкие сани без сиденья, бока которых широко расходятся от передка.

А в Угличе играют дети в бабки... – Царевич Дмитрий Угличский, младший сын Ивана

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
Грозного и Марии Нагой, после смерти отца был сослан в Углич, где умер при странных обстоятельствах (высказывались предположения, что царский шурин Борис Годунов приказал убить царевича). Также упоминаются «бабки», популярная детская игра.

Соломинка

Впервые: альманах «Тринадцать поэтов» (Пг., 1917).

Не Саломея, нет, соломинка скорей! – Обыгрывается совпадение имен С.Н. Андрониковой (1889 – 1982), одной из прославленных петербургских красавиц, к которой обращено стихотворение, и Саломеи, дочери Иродиады, жены Ирода Антипы (по просьбе матери, она исполнила танец на пиру у царя Ирода и в награду попросила голову Иоанна Крестителя). Первое стихотворение, обращенное к С.Н. Андрониковой, поэт написал еще в 1908 году после того, как прослушал «Танец Саломеи», исполненный симфоническим оркестром под управлением Р. Штрауса, автора музыки. Эти стихи утрачены.

Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита. – Упоминаются героини стихотворения «Линор» (1831 – 1849) и новеллы «Лигейя» (1838) Э.А. По, а также главная героиня романа «Серафита» О. де Бальзака (1799 – 1850).

1. «Мне холодно. Прозрачная весна...»

Впервые: журнал «Ипокрена». Пг., 1918, № 2 – 3, первоначальная редакция под римской цифрой I, вместе с другими стихами, под названием «Петрополь».

В зеленый пух Петрополь одевает... – Выбранный поэтом вариант названия города отсылает к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник».

2. «В Петрополе прозрачном мы умрем...»

Впервые: журнал «Ипокрена». Пг., 1918, № 2 – 3, первоначальная редакция под римской цифрой III, вместе с другими стихами, под названием «Петрополь».

Где властвует над нами Прозерпина. – Упоминается древнеримская богиня плодородия, жена подземного владыки Аита (Плутона) и дочь богини Цереры.

Богиня моря, грозная Афина... – Древнегреческая богиня мудрости, искусств и ремесел, справедливой войны Афина была дочерью Зевса и океаниды Метиды, однако богиней моря называли не ее, а Афродиту.

«Не веря воскресенья чуду...»

Впервые: журнал «Аполлон», 1916, № 9 – 10.

Тавриды пламенное лето... – Название Тавриды Крымский полуостров получил в 1783 году после присоединения Крыма к России. Название происходит от наименования древнего племени тавров, населявшего часть Крыма.

«Эта ночь непоправима...»

Впервые: журнал «Аполлон», 1916, № 9 – 10.

В одном из списков стихотворение озаглавлено «На погребение матери».

Братья Мандельштамы были в Коктебеле, а потому успели только к похоронам. О. Мандельштам всю жизнь чувствовал вину перед матерью.

«Собирались эллины войною...»

Впервые: «Вечерняя звезда», 1918, 16 февраля. Стихотворение публиковалось также под названием «1914», при этом автор соответственно изменил и датировку.

На прелестный остров Саламин... – Остров Саламин расположен в Эгейском море между восточным побережьем Аттики и южным мегарским побережьем.

Виден был из гавани Афин... – Упоминается один из самых значительных древнегреческих городов-государств (полисов).

А теперь друзья-островитяне // Снаряжают наши корабли... – Имеется в виду приход в Россию кораблей с военным грузом из Англии. О. Мандельштам не любил англичан, а потому слово «друзья» следует воспринимать как иронию.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Охраняй Акрополь и Пирей... – Упоминается греческий город, расположенный на северо-восточном берегу Саронического залива Эгейского моря недалеко от Афин.

Декабрист

Впервые: «Новая жизнь», 1917, 24 декабря.

Он раскурил чубук и запахнул халат... – Чубуком называется длинная курительная трубка.

Квадриги черные вставали на дыбы... – Квадригой называется колесница, запряженная четверкой коней. Скульптурным изображением такой колесницы украшали триумфальные арки, это и имеет в виду автор.

Россия, Лета, Лорелея. – Кроме России, упоминаются, объединенные по созвучию, Лета, в древнегреческой мифологии река, протекающая в подземном царстве (отведав воды Леты, мертвые забывали о своей земной жизни), и Лорелея, героиня немецкого фольклора, русалка, которая сидит на утесе и, расчесывая свои золотые волосы, заманивает в речные пучины юношей.

«Золотистого меда струя из бутылки текла...»

Впервые: «Знамя труда», 1918, 8 июня (26 мая), под названием «Виноград».
Стихотворение публиковалось также с посвящением В.А. и С.Ю. Судейкиным.

Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла... – См. комментарии к стихотворению «Не веря воскресенья чуду...».

Золотых десятин благородные, ржавые грядки. – Ср. со стихотворением «С веселым ржанием пасутся табуны...».

Не Елена – другая, – как долго она вышивала... – Пенелопа, жена Одиссея, которую имеет в виду автор, в ожидании мужа не вышивала, а ткала, но тайно распускала сделанное за день, потому что обещала сватавшимся к ней женихам выйти замуж тогда, когда закончит свой холст.

Золотое руно, где же ты, золотое руно? – Чудесный баран, который был послан богиней Нефелой для спасения от смерти ее детей Фрикса и Геллы, имел золотое руно. Переплыв на спине барана море и добравшись до Колхиды, Фрикс принес барана в жертву Зевсу, а руно повесил в священной роще Арея, где его охранял дракон. Впоследствии Язон, другой древнегреческий герой, похитил золотое руно и увез его в Грецию.

Одиссей возвратился, пространством и временем полный. – Упоминается царь Итаки, участник Троянской войны и главный герой гомеровской «Одиссеи», в которой рассказывается о десятилетнем скитании Одиссея по морям и о возвращении его на родину.

Меганом

Впервые: «Советская страна», 1919, № 2, 3 февраля, под названием «Меганон».

Еще далеко асфоделей... – Этим образом поэт хочет сказать, что смерть наступит еще не скоро. Древние греки полагали, что в царстве мертвых Аиде существуют луга асфоделей, по которым бродят тени умерших. Реальные асфодели – растения, относящиеся к семейству лилейных, многолетние травы с довольно крупными белыми, иногда желтыми, собранными в кисти, цветами.

Как Персефона, в легкий круг... – Дочь Деметры и Зевса, древнегреческая богиня плодородия Персефона была похищена владыкой подземного царства Аидом. Снизойдя к мольбам Деметры, Зевс разрешил Персефоне проводить половину года на земле. Персефона отождествлялась с Прозерпиной (см. комментарии к стихотворению «В Петрополе прозрачном мы умрем...»).

За мыс туманный Меганом... – Упоминается мыс на южном берегу Крыма, в окрестностях Судака.

«Среди священников левитом молодым...»

Впервые: газета «Страна», 1918, № 9, 7 апреля (25 марта).

В авторизованном списке стихотворение носит название «Иудеям».

Стихотворение посвящено А.В. Карташеву (1875 – 1960), государственному и общественному деятелю, историку церкви.

Среди священников левитом молодым... – Левитами у древних евреев назывались служители религиозного культа. Именование родилось от того, что, по преданию, левиты происходят из колена Леви.

Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи! – В буквальном переводе на русский язык «иерей» значит «священник», это греческое название пресвитера перешло в христианскую церковную терминологию из античных греческих культов.

Се черно-желтый свет, се радость Иудеи! – Упомянуты традиционные для иудейской культуры черный и желтый цвета. Эти цвета, однако, использовались и в символике русского самодержавия (см. комментарии к стихотворению «Дворцовая площадь»).

Мы в драгоценный лен Субботу пеленали... – Суббота, седьмой день недели у евреев, считается днем особым и к нему полагается относиться как к празднику. В народном представлении понятие «субботы» персонифицируется и ей поклоняются как царице-субботе.

И семисвещником тяжелым освещали... – Семисвечник является неизменным атрибутом религиозных обрядов в иудаизме.

«Когда на площадях и в тишине келейной...»
Впервые: «Знамя», 1919, № 2, 3 февраля, под названием «Рейнвейн».

Холодного и чистого рейнвейна... – Упомянется один из сортов немецкого виноградного вина.

Валгаллы белое вино... – См. комментарии к стихотворению «К немецкой речи».

Но северные скалды грубы... – См. комментарии к стихотворению «Я не слышал рассказов Оссиана...».

Кассандре
Впервые: «Воля народа», 1917, 31 декабря.

Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз... – Кассандру, дочь троянского царя Приама и Гекубы, Аполлон наделил даром пророчества. Однако из-за того, что Кассандра отвергла его, бог сделал так, что ее пророчествам никто не верил. После победы над Троей Кассандру захватил в рабство Агамемнон и увез в Микены. Там они оба погибли от рук Клитемнестры, жены Агамемнона.

Я полюбил тебя, безрукая победа... – Статуя богини победы Нике – Нике Самофракийская (конец IV или II вв. до н. э.) дошла до нашего времени без головы и обеих рук.

Сияло солнце Александра... – Именем «Александр» объединены фигуры императора Александра I, А.С. Пушкина и А.Ф. Керенского (1881 – 1970), политического деятеля, занимавшего во Временном правительстве различные должности, вплоть до министра-председателя правительства.

«В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»
Впервые: «Ипокрена», 1918, № 2 – 3.

В одном из автографов стихотворение озаглавлено «Шуберт».

Нам пели Шуберта – родная колыбель... – Стихотворение написано О. Мандельштамом после вечера певицы О.Н. Бутомо-названовой, на котором исполнялись в том числе песни австрийского композитора Ф. Шуберта (1797 – 1828) на стихи И.В. Гёте «Лесной царь», Г. Гейне «Двойник» и В. Мюллера «Прекрасная мельничиха».

«Твое чудесное произношение...»
Впервые: альманах «Творчество», Харьков, 1919, № 3.

«Что поют часы-кузнечик...»
Впервые: сборник «Обвалы сердца» (Севастополь, 1920), под названием «В горячке

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
«Соловьиной», название было дано редакцией.

Лихорадка шелестит... – В стихотворении отразились жизненные реалии. А.А. Ахматова, которую навел поэт, была больна.

«На страшной высоте блуждающий огонь!..»
Впервые: газета «Вечерняя звезда», 1918, 6 марта.

Твой брат, Петрополь, умирает! – См. комментарии к стихотворению «Мне холодно. Прозрачная весна...».

Чудовищный корабль на страшной высоте... – В марте 1918 года немецкие цеппелины несколько раз совершали налеты на Петроград.

«Когда в теплой ночи замирает...»
Впервые: «Жизнь», 1918, 30 июня.

Лихорадочный форум Москвы... – О форуме, который упоминается здесь как имя нарицательное, см. в комментариях к стихотворению «Поговорим о Риме – дивный град...».

И как новый встает Геркуланум... – Древнеримский город Геркуланум погиб в 79 г. н.э. во время извержения вулкана Везувий.

И убогого рынка лачуги... – Охотный ряд, находившийся в самом центре Москвы, был местом оживленной торговли.

И могучий дорический ствол... – Дорический ордер, один из ордеров классической архитектуры, но в данном случае автор имеет в виду не тип какой-либо колонны, а Большой театр с его знаменитой колоннадой.

Сумерки свободы
Впервые: «Знамя труда», 1918, 24 (11) мая, под названием «Гимн».

Великий сумеречный год! – Поэт подразумевает первый революционный год (срок отсчитывался не от Октябрьской, а от Февральской революции).

Мы будем помнить и в летейской стуже... – Эпитет «летейская» произведен от названия реки Леты (см. комментарии к стихотворению «Декабрист»).

Tristia
Впервые: «Пути творчества», Харьков, 1919, № 4; альманах «Гермес», Киев, 1919, сборник 1, апрель (возможно, оба издания вышли одновременно).

Название стихотворения, а также всей книги восходит к названию цикла римского поэта Публия Овидия Назона «Tristia», что переводится как «Скорбные песни».

Последний час вигилий городских... – Вигилиями у древних римлян назывались ночные караулы, которые начинались в 6 часов вечера и длились до 6 часов утра.

Когда огонь в акрополе горит... – См. комментарии к стихотворению «Американка».

Уже босая Делия летит... – Упоминается героиня одной из элегий римского поэта Тибулла (ок. 50 – 19 гг. до н.э.).

Склонясь над воском, девушка глядит. – Гадание при помощи воска было одним из наиболее распространенных способов узнавать будущее.

Не нам гадать о греческом Эребе... – У древних греков Эребом именовался подземный мрак, родившийся из Хаоса. Часто слово «Эреб» употребляют в переносном смысле, обозначая им подземное царство.

Черепаша
Впервые: «Пути творчества» (Харьков), 1920, №6 – 7.

На каменных отрогах Пиэрии... – В этой местности близ залива Термаикос в Эгейском море существовал культ муз, которые иногда именовались пиэридами.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Нам подарили ионийский мед. – В данном случае имеется в виду античная поэзия. Слово «ионийский» происходит от названия Иония, так именовалась область в центральной части западного побережья Малой Азии (с прилегающими островами) между городами Фокея и Милет.

Обула Сафо пестрый сапожок... – Упоминается знаменитая древнегреческая поэтесса Сафо (VI – VII вв. до н.э.), отсылками к стихам которой пронизано все стихотворение.

Нерасторопна черепаха-лира... – Древнегреческая лира, одна из разновидностей этого струнного музыкального инструмента, делалась с корнцугом из панциря черепахи с мембраной в виде этого панциря. Лира такого вида считалась аполлоническим, то есть служащим для исполнения эпической и лирической поэзии, инструментом. По преданию, Гермес изготовил первую лиру из черепашьего панциря.

Лежит себе на солнышке Эпира... – Словом «Эпир» древние греки первоначально обозначали материк, в противоположность островам. Позднее Эпиром стали называть область, лежащую к западу от Фессалии по другую сторону горной цепи Пинд. Обитателей Эпира, иллирийские племена, жители Древней Греции считали варварами.

Она во сне Терпандра ожидает... – Древнегреческому поэту и музыканту Терпандру из Антиссы (остров Лесбос) приписывается усовершенствование кифары (четыре струны он заменил на семь) и создание нескольких жанров религиозных песнопений. Согласно мемуарам, О. Мандельштам знал, что эти стихи не соответствуют греческим мифам, но оставил их без изменения, потому что так стихотворение представлялось более выразительным.

«Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»
Впервые: альманах «Ковчег» (Феодосия, 1920).

И вчерашнее солнце на черных носилках несут. – Строка отсылает к некрологу А.С. Пушкину, написанному В.А. Жуковским, где есть фраза: «Солнце русской поэзии закатилось».

Время вспахано плугом, и роза землею была. – Роза, бывшая землей, то есть прахом, а также вновь возвратившаяся в прах, является одним из наиболее распространенных образов восточной поэзии (поэты, в частности, О. Хайям, обращали внимание на череду таких перевоплощений, вместо розы это мог быть, например, кувшин и т.п.). Однако следует помнить, что в статье «Слово и культура» есть и другой образ, использованный здесь: О. Мандельштам сравнивал с плугом, взрывающим время, поэзию.

«Вернись в смесительное лоно...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

Откуда, Лия, ты пришла... – В Ветхом Завете Лией зовут старшую дочь Лавана, жену патриарха Иакова. Автор ошибочно называет Лией одну из дочерей праведника Лота, тем не менее в Библии они никак не названы.

За то, что солнцу Илиона... – Илионом древние греки называли Трою (см. комментарии к стихотворению «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»).

Ты будешь Лия – не Елена! – См. комментарии к стихотворению «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...».

Феодосия
Впервые: альманах «К искусству!» (Феодосия), 1920, № 1.

Качаются разбойничьи фелюги... – Фелюгой называется разновидность небольшого судна, оснащенного косым четырехугольным парусом, служащего для плавания в прибрежных водах.

С утра до ночи «яблочко» поется. – Куплеты под условным названием «яблочко», разумеется, разного содержания и направленности, были популярны и у красных, и у белых.

Цирюльника летающая скрипка... – Образ, по всей вероятности, построен на сходстве движений смычка и опасной бритвы, которую правят на ремне и которой взмахивают в

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
воздухе.

И месмерический уют – явление.. – На вывесках прачечных рисовали утюги, которые, в отсутствие человека, будто парили в воздухе. Отсюда определение «месмерический», произведенное от фамилии немецкого врача Ф. Месмера (1734 – 1815), разрабатывавшего учение об особом «животном магнетизме».

Припоминают сон Шехерезады. – Упоминается героиня знаменитого сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

«Мне Тифлис горбатый снится...»
Впервые: альманах «Цех поэтов», 1922, кн. 3.

В одном из автографов стихотворение озаглавлено «Тифлис».

Сазандарей стон звенит... – Сазандаром или сазендарем называется музыкант и певец на Кавказе.

Кахетинское густое... – Упоминается один из сортов белого грузинского вина.

Если спросишь «Телиани»... – Упоминается один из сортов красного грузинского вина.

Венецйская жизнь
Впервые: альманах «Цех поэтов», 1921, кн. 2. Стихотворение публиковалось также под названием «Венеция».

В голубое дряхлое стекло. – Имеется в виду венецианское зеркало. Такими зеркалами, изготовленными по особой технологии, славилась Венеция. Эпитет «дряхлый» выступает в качестве синонима словосочетания «очень старый» (но надо помнить, что зеркала действительно стареют).

Белый снег, зеленая парча. – Декоративная ткань парча делалась на шелковой основе, по которой металлической нитью (золотой или серебряной) ткались сложные узоры.

Адриатика зеленая, прости! – Адриатикой называется бассейн Средиземного моря.

Черный Веспер в зеркале мерцает... – «Веспер» по-латыни значит «вечер», «вечерняя звезда», так называли Венеру.

И Сусанна старцев ждaть должна. – В Библии рассказано, как старцы, которым не удалось соблазнить Сусанну, оклеветали ее. Пророк Даниил спас девушку от побития камнями. Этот сюжет неоднократно использован в мировой живописи.

«Когда Психея-жизнь спускается к теням...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

Когда Психея-жизнь спускается к теням... – Имя мифологической героини, жены бога любви Эроса, «Психея» происходит от греческого слова «психэ», что значит «душа». Психея является олицетворением человеческой души.

В полупрозрачный лес вослед за Персефоной... – См. комментарии к стихотворению «Меганом».

С стигийской нежностью и веткою зеленой. – Эпитет «стигийский» происходит от названия реки Стикс, текущей из Океана в Подземный мир. На берегах Стикса боги приносили священную клятву.

Лепешку медную с туманной переправы. – За переправу через Стикс перевозчику Харону давали мелкую медную монету, обол.

Ласточка
Впервые: «Дом искусств», 1921, № 1.

В одном из автографов стихотворение озаглавлено «Слово».

То вдруг прокинется безумной Антигоной... – Глагол «прокинуться» означает «промахнуться», что вполне корреспондирует с образом забытого и утраченного

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
слова. Антигона, дочь фиванского царя Эдипа и царицы Иокасты, выступает здесь
символом самопожертвования, она сопровождала отца в его добровольном изгнании.

С стигийской нежностью и веткою зеленой. – См. комментарий к предыдущему
стихотворению.

Я так боюсь рыданья Аонид... – Упоминаются музы, которые назывались также аониды.

«Возьми на радость из моих ладоней...»
Впервые: «Дом искусств», 1921, № 1.

В авторизованном списке стихотворения имеется посвящение «Олечке Арбениной», то
есть О.Н. Арбениной-Гильденбрандт (1897 – 1980), актрисе и художнице, в которую
был в этот период влюблен О. Мандельштам. Ей также адресованы стихотворения
«Чуть мерцает призрачная сцена...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...» и,
возможно, «В Петербурге мы сойдемся снова...».

Как нам велели пчелы Персефоны. – См. комментарии к стихотворению «Меганом».

Их родина – дремучий лес Тайгета... – Упоминается горный хребет в Греции,
находящийся в южной части полуострова Пелопоннес.

«В Петербурге мы сойдемся снова...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

Дикой кошкой горбится столица... – Столица к тому времени переехала из Петрограда
в Москву.

У Киприды на руках. – Кипридой называли древнегреческую богиню любви Афродиту,
ибо главные ее святилища находились на острове Кипр. Также в одном из гимнов,
приписываемых Гомеру, рассказывается о ее рождении у кипрских берегов.

«За то, что я руки твои не сумел удержать...»
Впервые: журнал «Новый Гиперборей» («Журнал Цеха поэтов»), 1921, № 1.
Стихотворение публиковалось также под названием «Конь».

В одном из автографов стихотворение озаглавлено «Троянский конь».

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня... – Об ахейцах см. в комментариях к
стихотворению «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». Конь, о котором идет речь, это
деревянный конь, созданный греками, не сумевшими за целое десятилетие взять
хорошо укрепленный город. Деревянный конь был оставлен у ворот Трои. Троянцы,
принявшие коня за жертвенный дар, вкатили его в город. Ночью воины, спрятавшиеся
внутри коня, отперли ворота, и войска смогли войти, после чего город был
разграблен и сожжен.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом? – Главный город Трояды, области на
северо-западе Малой Азии, получил известность благодаря «Илиаде» Гомера. Тем не
менее Троя действительно существовала начиная с 3000 – 2500 гг. до н.э. и была
разрушена примерно в 1260 гг. до н.э. во время Троянской войны.

Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник. – По преданию, Приам, царь Трои,
во время событий, описываемых в «Илиаде», был очень стар и участия в военных
действиях не принимал. Согласно Вергилию, автору более поздней версии, Приам был
убит во время разграбления Трои.

На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится. – Слово «стогна» означает
«площадь» либо «улицы в городе».

«Мне жалко, что теперь зима...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

Венецианская баута. – По-итальянски слово «баута» означает «маска», «домино».

«Я наравне с другими...»
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

«Люблю под сводами седья тишины...»

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Впервые: «Tristia» (Пб. – Берлин, 1922).

У Исаака отпеванье. – То есть в Исаакиевском соборе.

Широкий вынос плащаницы... – Плащаницу, широкую льняную или шелковую ткань с изображением тела Христа, снятого с креста и положенного во гроб в Великую Пятницу, выносят из алтаря на середину церкви для поклонения верующих и оставляют там до пасхальной полунощницы.

И в ветхом неводе Генисаретский мрак... – В Новом Завете Генисаретом называется небольшой округ, расположенный на северо-западном берегу Галилейского (Генисаретского или Тивериадского) озера. Этот округ, «Земля Генисаретская», был одним из мест, связанных с именем и деяниями Иисуса Христа.

Великопостные седмицы... – Седмницей называется неделя в церковном календаре. Великопостная (Страстная) седмица – последняя неделя перед Пасхой и последняя неделя Великого поста.

И иерея возглас сирий... – См. комментарии к стихотворению «Среди священников левитом молодым...»

И одичалые порфиры... – См. комментарии к стихотворению «Петербургские строфы».

Соборы вечные Софии и Петра... – См. комментарии к стихотворению «Айя-София».

Зане свободен раб, преодолевший страх... – Слово «зане» означает «потому что».

Стихотворения 1921 – 1925 годов
Концерт на вокзале
Впервые: журнал «Россия», 1924, № 3.

И ни одна звезда не говорит... – Отсылка к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». О том же стихотворении О. Мандельштам вспомнит в стихах «Грифельная ода».

Дрожит вокзал от пенья Аонид... – Об аонидах см. комментарии к стихотворению «Ласточка». В строке запечатлен не отвлеченный образ: вокзал в Павловске первоначально предназначался именно для концертных выступлений («вокзал», собственно, и есть «зал для пения»). Линия железной дороги прошла здесь позднее.

«Умывался ночью на дворе...»
Впервые: «Фигаро» (Тифлис), 1921, № 1, 4 декабря.

«Кому зима – арак и пунш голубоглазый...»
Впервые: журнал «Россия», 1922, № 1.

Кому зима – арак и пунш голубоглазый, // Кому душистое с корицею вино... – Упоминаются арак, спиртной напиток из риса и других плодов, пунш, напиток, который делается посредством варки рома с сахаром, чаем, лимонным соком, кипятком, и глинтвейн, напиток из красного вина, прокипяченного со специями.

Как яблоня зимой, в рогоже голодать... – Для того, чтобы плодовые деревья не пострадали от холодов и чтобы кору их не погрызли голодные звери, на зиму стволы обматывают, используют для этого, в частности, и рогожу.

И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке. – Горшок и петух относятся к наиболее распространенным атрибутам гадания. Кроме того, при помощи петуха, измазанного золой, происходят поиски вора либо лжесвидетеля, аналогичные действия производятся и при помощи измазанного золой горшка.

«С розовой пеной усталости у мягких губ...»
Впервые: «Всемирная иллюстрация», 1922, выпуск 3 (июль), под названием «Европа»; «Накануне» (Берлин), 1922, 30 июля, литературное приложение № 11 (оба издания, возможно, вышли одновременно).

Фыркает, гребли не любит – женолюб... – Стихотворение написано под впечатлением от картины В.А. Серова (1865 – 1911) «Похищение Европы» (1910).

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
Нежные руки Европы, – берите все! – Европе, дочери финикийского царя Агенора,
Зевс явился в виде белого быка, когда она играла с подругами на берегу моря.
Зевс похитил ее и увез на своей спине на остров Крит.

«Холодок щекочет темя...»
Впервые: «Москва», 1922, № 6.

И нельзя признаться вдруг... – Слово «вдруг» употреблено здесь как синоним слов «сразу», «тут же».

«Как растет хлебов опара...»
Впервые: «Известия ВЦИК», 1922, 23 сентября.

Как растет хлебов опара... – Опарой называется забродившее тесто, заправленное дрожжами или закваской.

Словно хлебные Софии... – Поэт сравнивает хлеба с куполом Храма Святой Софии (см. комментарии к стихотворению «Айя-София»).

С херувимского стола... – Херувимами называется один из девяти ангельских чинов. У пророка Иезекииля и в Апокалипсисе херувимы имеют вид шестикрылых животных, с телами, усеянными очами. Херувимы обитают пред престолом Божиим и непрестанно днем и ночью поют: «Свят, свят, свят Господь Вседержитель, Который был, есть и грядет».

«Я не знаю, с каких пор...»
Впервые: журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном», 1922, № 1.

«Я по лесенке приставной...»
Впервые: журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном», 1922, № 1.

В одном из автографов стихотворение имело название «Сеновал».

Стихи в авторском исполнении были записаны на фонограф.

Колтуном пространства дышал. – Колтуном (трихомой) называется состояние, когда в результате грибковых заболеваний, экземы или вшивости волосы на голове склеиваются в отдельные пучки так, что их уже невозможно расчесать.

Эолийский чудесный строй... – Эолийцами называли одно из четырех основных племен греческого народа, обитавшего в основном в Фессалии и Беотии. На эолийском диалекте писали стихи Сафо и Алкей.

Добрых чувств на земле пять. – Отсылка к стихотворению Н.С. Гумилева «Шестое чувство» (1916).

Не своей чешуей шуршим... – См. предыдущее примечание.

Московский дождик
Впервые: «Сегодня», 1922, № 1.

Чаинки легкая возня... – Согласно воспоминаниям, О. Мандельштам как-то указал на птиц в небе и сравнил их с чайниками.

Век
Впервые: «Россия», 1922, № 4.

Нашедший подкову
Впервые: журнал «Красная новь», 1923, № 2.

Пиндарический отрывок. – Подзаголовок стихотворения отсылает к опыту немецких романтиков, которые переводили стихи древнегреческого поэта Пиндара (ок. 518 – 442 либо 438 до н.э.) свободным стихом.

Одинокими пиниями... – Пинией называется сосна итальянская, вечнозеленое дерево семейства сосновых.

Не вифлеемским мирным плотником, а другим... – То есть не Иосифом, мужем Марии,
Страница 102

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
матери Иисуса Христа.

Отцом путешествий, другом морехода. – Возможно, имеется в виду Одиссей (см. комментарии к стихотворению «Золотистого меда струя из бутылки текла...»).

Или просто дух чобра, растертого между ладоней. – Имеется в виду тимьян, который называют также чабер, чебрец, богородская травка. Имеет характерный пряный запах.

Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханый заново... – Неерой звали дочь Океана, возлюбленную Гелиоса, которая олицетворяла целину.

Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой... – Упоминается одна из подвижных детских игр.

Грифельная ода
Впервые: «Вторая книга» (М., 1923).

Промежуточная редакция стихотворения имела название «Грифель».

Название стихотворения отсылает к оде Г.Р. Державина «На тленность», так им и не законченной. Это последнее державинское стихотворение было записано грифелем на аспидной доске.

Звезда с звездой – могучий стык, // Кремнистый путь из старой песни... – См. комментарии к стихотворению «Концерт на вокзале».

Свинцовой палочкой молочной... – Свинцовый карандаш был любимым инструментом художников эпохи Возрождения.

И я хочу вложить персты... Как в язву, заключая в стык... – Персты в язвы Христа вкладывал апостол Фома, эпизод этот относится к числу самых известных евангельских эпизодов.

«Как тельце маленькое крылышком...»
Впервые: сборник «Лет» (1923), как часть стихотворения «Давайте слушать грома проповедь...».

По солнцу всклянь перевернулось... – «Всклянь» говорят о жидкости, когда она налита вровень с краями сосуда.

На эмпирее загорелось. – В мифологических представлениях эмпиреей называется верхняя часть неба, наполненная огнем, сиянием, которая является обиталищем богов. В переносном смысле это слово означает «высь», «высота».

1 января 1924
Впервые: «Русский современник», 1924, № 2, под названием «1 января 1924».

По переулочкам, скворешням и застрехам... – «Застреха» (в соломенной крыше слега или доска, поддерживающая солому с нижнего края, в другом случае – нижний нависший край крыши с внутренней стороны) так же, как и «скворешня», используется здесь в переносном значении.

Все силуясь полость застегнуть. – В санях, чтобы ездки не замерз или его не засыпало снегом, застегивали специальную полость.

Пылает на снегу аптечная малина... – Имеется в виду отсвет, который отбрасывали шары, налитые цветной водой, выставленные в окнах аптек. Такие шары по вечерам подсвечивали, и они служили для того же, для чего служит крест на современной аптеке.

И где-то щелкнул ундервуд... – Имеется в виду пишущая машинка одной из самых популярных марок «Ундервуд».

«Нет, никогда, ничей я не был современник...»
Впервые: альманах «Ковш», 1925, № 1, под названием «Вариант».

Стихи в авторском исполнении были записаны на фонограф.

«Вы, с квадратными окошками...»

Впервые: журнал «Ленинград», 1925, № 21.

Ворохами старых «Нив». – См. комментарии к стихотворению «Царское Село».

«Жизнь упала, как зарница...»

При жизни автора напечатано не было.

Адресат стихотворения О.А. Ваксель (1903 – 1932), в которую был в этот период влюблен О. Мандельштам. Ей также адресовано стихотворение «Из табора улицы темной...».

Сбитню свежего, крутого... – См. комментарии к стихотворению «Петербургские строфы».

Есть за куколем дворцовым... – Куколем называется черный остроконечный капюшон, часть облачения схимомонахов. В данном случае с куколем сравнивается крыша Таврического дворца.

И за кипенем садовым... – О.А. Ваксель жила поблизости от Таврического дворца и Таврического сада.

«Из табора улицы темной...»

Впервые: журнал «Звезда», 1927, № 8.

Стихи в авторском исполнении были записаны на фонограф.

За капором снега, за вечным за мельничным шумом... – Капором называется женский зимний головной убор, ленты которого завязываются под подбородком.

И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым. – Промерзшие торцы, которые сравниваются автором с клавишами, издавали свой особый звук (см. комментарии к стихотворению «Дворцовая площадь»).

Новые стихи (1930 – 1937)

Московские стихи

«Куда как страшно нам с тобой...»

При жизни автора напечатано не было.

Товарищ большеротый мой! – Стихотворение имеет реальный подтекст. На правительственной даче, куда однажды попали в качестве гостей О. Мандельштам с женой, жены чиновников называли своих мужей «товарищ».

Ох, как крошится наш табак... – Плохой табак, который имелся на тот момент в Тифлисе, и впрямь крошился. И поэт, и Н.Я. Мандельштам были заядлыми курильщиками.

Заесть ореховым пирогом... – Упомянется жизненная реальность: на именины Н.Я. Мандельштам тетка ее принесла ореховый торт собственного производства.

Армения

Впервые: «Новый мир», 1931, № 3, с подзаголовком «Двенадцать стихотворений».

1. «Ты розу Гафиза колышешь...»

Ты розу Гафиза колышешь... – Упомянется великий персидский поэт Гафиз (ок. 1325 – 1389 либо 1390). Роза – один из постоянных атрибутов восточной поэзии.

Окрашена охрою хриплой... – Образ построен на обыгрывании звуковой формы слова «охра», созвучного с глаголом «охрипнуть».

Ты вся далеко за горой... – Одна из встречающихся у О. Мандельштама отсылок к «Слову о полку Игореве» (перифразируется строка, которая в переводе звучит так: «О Русская земля! уже ты за холмом!»). В данном случае автор имеет в виду гору Арарат и Западную Армению, которая некогда входила в состав Армении, и где до геноцида 1915 года жили армяне.

2. «Ты красок себе пожелала...»

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
Рисующий лев из пенала... – Отсылка к легенде, которую услышал автор в Армении.

Страна москательных пожаров... – Подчеркивая любовь местных жителей к ярким цветам, О. Мандельштам обыгрывает, отчасти переосмысливая, словосочетание «москательные товары», то есть такие товары, как клей, краски и масло. Кроме того, яркими и насыщенными цветами отличаются и пейзажи Армении.

Ты рыжебородых сардаров... – В мусульманских восточных странах сардаром или сердаром называют главнокомандующего войском. Эпитет «рыжебородые» связан с обычаем красить волосы и бороды хной.

И каждое слово – скоба... – Имеется в виду не только внешний вид армянского алфавита, но также предание, согласно которому просветитель Месроп Маштоц (361 – 440) выковал армянский алфавит, что и отразилось на очертаниях букв.

3. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки... – Армянский хлеб лаваш очень тонко раскатывают, но и после того, как его вынимают из печи, он остается пластичным и упругим.

Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала? – См. комментарии к предыдущему стихотворению.

4. «Закутав рот, как влажную розу...»
Закутав рот, как влажную розу... – Сравнение уст возлюбленной с лепестками розы широко распространено в восточной поэзии.

5. «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»
Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновый... – Муслином называется сорт легкой, тонкой и мягкой ткани, как хлопчатобумажной, так и шелковой или шерстяной.

И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха. – Упомянутся прохладительный напиток из фруктового сока и сахара, распространенный на Востоке.

6. «Орущих камней государство...»
Орущих камней государство... – Возможно, отсылка к стихотворению «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...», где есть все необходимое для процветания, в том числе «рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить».

7. «Не развалины, нет, но порубка могучего циркульного леса...»
О. Мандельштам говорит о развалинах кафедрального собора и дворца католика в Звартноце около Эчмиадзина (см. комментарии к следующему стихотворению).

8. «Холодно розе в снегу...»
А в Эривани и в Эчмиадзине... – Эривань – транскрипция названия Ереван, столицы Армении, существовавшая до 1936 года. Эчмиадзин – исторический центр армянской апостольской церкви, где находится монастырь с резиденцией католика и кафедральный собор, заложенный еще в 303 г. н.э.

Весь воздух выпила огромная гора... – Имеется в виду Арарат, символ Армении.

Ее бы приманить какой-то окариной... – Итальянский народный инструмент окарина представляет собой металлическую или глиняную дудку, звук которой напоминает звук флейты.

9. «О порфирные цокая граниты...»
О порфирные цокая граниты... – Определением «порфирные» автор хочет не только сказать о цвете гранитов (порфирный – багряный), но и об их происхождении (порфир – вулканическая горная порода), однако имеется здесь и оттенок «царственности» по созвучию с «порфирой» (см. комментарии к стихотворению «Петербургские строфы»).

Примирившие дьявола и бога... – Курды, один из древнейших народов Передней Азии, расселены в основном по территории Турции, Ирана, Ирака. Некоторое количество курдов проживает в том числе и в Армении. Часть курдов является езидами, то есть исповедует особую религию, которая восходит к зороастризму и впитала в себя

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
элементы древнеиранских верований, ислама, иудаизма, христианства и
идолопоклонничества. Согласно современным представлениям о религии езидов, у них
вообще отсутствует понятие о самостоятельности злого начала. Езиды поклоняются
воплощению верховного демиурга, падшему ангелу (который обязательно будет
прощен) Малаки-Таузу, изображаемому в виде павлина. То, что главный объект
поклонения езидов отпал от верховного божества, стало причиной представления о
том, что езиды поклоняются дьяволу.

10. «Какая роскошь в нищенском селенье...»
Какая роскошь в нищенском селенье... – Имеется в виду поселок Аштарак (позднее
ставший городом).

11. «Я тебя никогда не увижу...»
На дорожный шатер Арарата... – Возможно, автор подразумевал не столько облик горы,
сколько предание о том, что ковчег Ноя пристал именно к Арарату, иными словами,
здесь завершилось путешествие, обитатели ковчега обрели жилище.

12. «Лазурь да глина, глина да лазурь...»
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым... – Близорукость очень распространена у
горских народов.

«Не говори никому...»
При жизни автора напечатано не было.

Или чернику в лесу, // Что никогда не собирал. – В книге «Путешествие в Армению»
О. Мандельштам признается, что ребенком из самолюбия и гордыни не ходил за
ягодами и не собирал грибы.

«Колючая речь араратской долины...»
При жизни автора напечатано не было.

А близорукое шахское небо... – См. комментарии к стихотворению «Лазурь да глина,
глина да лазурь...».

«На полицейской бумаге верже...»
При жизни автора напечатано не было.

На полицейской бумаге верже... – Верже называется сорт писчей, почтовой или
рисовальной бумаги с водяным знаком в виде сетки, состоящей из набора взаимно
перпендикулярных линий, причем в одном направлении линии расположены гуще, чем в
другом. «Полицейской» бумага названа потому, что О. Мандельштам утащил несколько
листочков такой бумаги в архиве (то есть из присутственного места), где собирался
устроиться работать.

Ночь наглоталась колючих ершей... – Бумага, подаренная поэту в Тифлисе, была с
водяными знаками. Сохранился автограф стихотворения «Колючая речь араратской
долины...» на бланке Тифлисского Дворянского заемного банка. Бумага, на которой
напечатан бланк, имеет водяные знаки в виде звезд и птиц.

Пишут и пишут свои раппортички. – Автор создает понятие, производное от
аббревиатуры РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей. Эта
организация, существовавшая в 1920 – 1932 гг. и претендовавшая на исключительное
положение в литературе, вела жесткую борьбу с прочими литературными
организациями и объединениями, не гнушаясь и прямыми политическими доносами.

«Дикая кошка – армянская речь...»
При жизни автора напечатано не было.

О, лихорадка, о, злая моруха! – В народных говорах морушкой называется повальная
болезнь или смерть.

Старый повытчик, награвив деньжат... – Повытчиком в старину называли должностное
лицо, которое ведало в суде делопроизводством.

Бывший гвардеец, замыв оплеуху. – Оплеуха, то есть удар по лицу – тягчайшее
оскорбление, которое следовало смывать кровью. В данном случае обиженный
трусливо уклонился от дуэли.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
И суждено – по какому разряду?.. – Похороны производились по высшему, первому и т.д. разрядам. Здесь понятие о разрядах спроецировано на саму смерть, акт экзистенциальный.

Да эрзерумская кисть винограду. – Отсылка к «Путешествию в Арзрум» (1824) А.С. Пушкина.

Ленинград

Впервые: «Литературная газета», 1932, № 53, 23 ноября.

Я на лестнице черной живу, и в висок... – Черная лестница, обязательный в прежние времена атрибут городского дома для состоятельных жильцов, вела на кухню и предназначалась для прислуги и мелких просителей, в отличие от лестницы парадной, которой пользуются полноправные жильцы.

Ударяет мне вырванный с мясом звонок... – Деталь вполне реальна: звонок в квартиру брата О. Мандельштама был вырван.

«С миром державным я был лишь ребячески связан...»

Впервые: журнал «Звезда», 1931, № 4.

Я убежал к nereидам на Черное море... – Нереидами в греческой мифологии называются морские нимфы, дочери морского старца Нерея. Пятьдесят или по другим источникам сто nereид живут в морских пучинах, вода там хоровады. В лунные ночи они выходят на берег, танцуют и поют песни.

Лэди Годиву с распущенной рыжею гривой... – Легендарная покровительница английского города Ковентри леди Годива согласилась в 1040 году проехать по улицам города обнаженной, чтобы ее супруг, граф Мерсийский, отменил возложенные на горожан тяжкие пени. Согласно легенде, леди Годива была прикрыта лишь собственными волосами, но все жители города из уважения к ней укрылись в домах, плотно затворив ставни.

«Мы с тобой на кухне посидим...»

При жизни автора напечатано не было.

Сладко пахнет белый керосин... – То есть керосин, разбавленный водою.

«Я скажу тебе с последней...»

При жизни автора напечатано не было.

Греки сбондили Елену... – Следует отметить, что Елену украли – «сбондили» на одном из диалектов – не греки, а троянец (т.е. житель Малой Азии) Парис (см. также комментарии к стихотворению «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»).

Ангел Мэри, пей коктейли... – Отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «из *Barry Corrwall*».

«Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»

При жизни автора напечатано не было.

Так вот бушлатник шершавую песню поет... – Бушлаты, особую одежду, носили заключенные.

«За гремучую доблесть грядущих веков...»

При жизни автора напечатано не было.

За высокое племя людей... – Концепция, согласно которой в будущем появится новая раса (представители ее будут высоки ростом и гармонично сложены), бытовала в науке и литературе второй половины XIX века, появление нового человека при социализме, разрабатываемое советской идеологией, являлось, по сути, вариацией на ту же тему.

Ни кровавых костей в колесе... – Колесование было одной из самых жестоких видов смертной казни, заключавшееся в том, что преступнику, привязанному к кресту, поочередно переламывали конечности, затем переломанные ноги пропускали между спиц колеса так, чтобы пятки преступника сходились с затылком. Человек умирал от болевого шока. Такая казнь применялась еще в Древнем Риме. Но в данном случае

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
автор также обыгрывает идиоматическое выражение «попасть под колесо Истории».

«Жил Александр Герцевич...»
При жизни автора напечатано не было.

Жил Александр Герцевич... – В большой коммунальной квартире, где жил один из братьев Мандельштама, жил также скрипач А.Г. Айзенштадт, работавший в оркестре.

Он Шуберта навёрчивал... – См. комментарии к стихотворению «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...».

Одну сонату вечную... – Один из основных жанров камерной инструментальной музыки, соната, имеет, как правило, трехчастное циклическое строение с быстрыми крайними частями и медленной средней. Иногда в цикл включается также менуэт или скерцо. Эта строка также отсылает к строке «Одну молитву чудную...» из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва».

«Нет, не спрятаться мне от великой муры...»
При жизни автора напечатано не было.

За извозчицью спину – Москву... – На шубе извозчика на спине была специальная толстая накладка, чтобы не чувствовать ударов седока. От такой накладки фигура извозчика представлялась очень внушительной и большой.

Я трамвайная вишенка страшной поры... – Образ, возможно, должен передать слабость человеческого существа, затиснутого обстоятельствами истории, так сказать, попавшего в «трамвайную давку».

Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»... – Трамвайные маршруты, существовавшие тогда в Москве, названия которых переосмыслены при помощи детской считалки «А и Б сидели на трубе...».

Неправда
При жизни автора напечатано не было.

К шестипалой неправде в избу... – Шестипалость, как и любое отклонение, аномалия, по народным поверьям, была знаком, наложенным нечистой силой. В тридцатые годы «шестипалым» в народе называли И.В. Сталина.

Ведь лежать мне в сосновом гробу. – Гроб из сосны был самым дешевым, а потому предназначался для бедняков.

«Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»
Впервые: в качестве цитаты в статье А. Селивановского «Распад акмеизма» («Литературная учеба», 1934, № 8).

Я пью за военные астры, за все, чем корили меня... – Астрами провожали войска, уходившие на фронт в самом начале Первой мировой войны (была ранняя осень).

За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня. – В стихотворении использованы автобиографические детали. Например, упоминаемая О. Мандельштамом барская шуба – реальный предмет его гардероба, о котором рассказано и в очерке «Шуба».

За музыку сосен савойских, Полей Елисейских бензин... – Упоминаются реалии, ассоциирующиеся у автора с Францией: Савойя, департамент на юго-востоке Франции и Елисейские Поля, центральная улица Парижа с широкой проезжей частью и тротуарами-аллеями, посаженными каштанами.

За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин. – Лихорадку, неизменно составляющую колониального быта, лечили хинином.

Веселое асти-спуманте иль папского замка вино. – Упоминаются разные вина, в частности, «Асти спуманте», сорт итальянского игристого муската.

Рояль
Впервые: журнал «Новый мир», 1932, № 6.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Не идет Гора на Жиронду... – Имеются в виду представители политических партий времен Великой французской революции: жирондисты и монтаньяры.

Не звучит рояль-Голиаф... – Голиафом звали одного из библейских персонажей, великана, с которым вступил в единоборство юноша Давид. Имя «Голиаф» употребляется как нарицательное для обозначения объекта исполинских размеров.

Мирабо фортепьянных прав. – О. Мирабо (1749 – 1791), деятель Великой французской революции, был знаменитым оратором.

Мастер Генрих – конек-горбунок. – Имеется в виду пианист и педагог Г.Г. Нейгауз (1888 – 1964).

Сладковатой груши земной. – Топинамбур, или земляная груша, многолетнее растение, имеет специфический вкус, который О. Мандельштаму казался отвратительным.

Чтоб смолою соната джина... – Алкогольный напиток, джин, производится из можжевельника, а потому имеет отчетливый смолистый привкус.

« – Нет, не мигрень, – но подай карандаш ментоловый...»
При жизни автора напечатано не было.

Дальше сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я... – Дачные веранды часто имели цветное остекление (обычно это был ряд стекол, проходящих наподобие бордюра над основным остеклением).

Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью... – Ворванью называется жир, вытапливаемый из туш китов и тюленей.

Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой... – Карболовая кислота (химическое вещество фенол) применяется в медицине как антисептическое и дезинфекционное средство, имеет специфический запах.

«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»
При жизни автора напечатано не было.

Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе... – В русских сказках встречаются образы железных сапог, которые нужно истоптать, железного посоха, который нужно истереть, и железных просфор, которые надо сгрызть прежде, чем герой добьется желанной цели. Иногда срок такой сказочной епитимьи равняется трем или семи годам. Но в данном случае можно еще увидеть отсылку и к рубашке смирительной.

«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»
Впервые: «Литературная газета», 1932, 23 ноября.

Два клоуна засели – Бим и Бом... – Дуэт музыкальных клоунов-эксцентриков Бима и Бома состоял из И.С. Радунского (1872 – 1955) и его партнера. Во время, когда Мандельштам почти наверняка мог видеть выступление этих популярных артистов, вторым клоуном был М.А. Станевский (1879 – 1927). В период, когда писалось стихотворение, его сменил Н.И. Вильтзак (1880 – 1960).

И в ход пошли гребенки, молоточки... – Бим и Бом играли на таких предметах, как пила, метла, сковорода, пюпитр, визитная карточка.

И пахло до отказа лавровишней... – Растение из семейства розоцветных.

Кухонных крупно скачущих часов. – Частые размахи маятника в таких дешевых часах-ходиках сопровождалась жестяным шелканьем.

Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи. – Выпад против В.Б. Шкловского, выпустившего в 1930 году книгу «Поденщина», где он воспевал черную повседневную работу литератора. Автора и В.Б. Шкловского связывали давние и непростые отношения, тем не менее он едва ли не единственный из писателей, кто в самый трудный период жизни помогал О. Мандельштаму, давая ночлег.

Убитые, как после хлороформа... – Хлороформ (трихлорметан), бесцветная жидкость со

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
сладковатым вкусом и резким запахом, применялся в XIX веке для обезболивания во время операций, впоследствии от него отказались, поскольку хлороформ довольно токсичен.

К Рембрандту входит в гости Рафаэль. – Упоминаются голландский художник Харменс ван Рейн Рембрандт (1606 – 1669) и итальянский художник Рафаэль Санти (1483 – 1520).

Он с Моцартом в Москве души не чает... – Австрийский композитор В.А. Моцарт (1756 – 1791) был одним из любимых композиторов О. Мандельштама.

И словно пневматическую почту... – Пневматической почтой называлась система пересылки документов и мелких предметов по специальным трубопроводам при помощи потока воздуха. Применялась в основном в банках, библиотеках, на предприятиях связи и в больницах.

«Еще далёко мне до патриарха...»
При жизни автора напечатано не было.

Да целлулоид фильма воровской. – Целлулоидная пленка, изготовленная из особого рода пластмассы, использовалась в кинопромышленности. Здесь автор говорит о коротком куске пленки, который просовывали вместо монетки в телефон-автомат, и автомат срабатывал (отсюда эпитет «воровская»).

Листаю книги в глыбких подворотнях... – Вдоль Китайгородской стены, с внешней ее стороны, от Никольских ворот до Ильинских ворот располагались многочисленные лотки московских букинистов.

Я получу свое изображение // Под конусом лиловой шах-горы. – Фотографы, в том числе и уличные, использовали в качестве фона рисованные задники, на которых были нарисованы, как правило, какие-нибудь обобщенные пейзажи, например горы. Часто встречались и картины с прорезями, стоило сунуть в них лицо и руки, и фотографируемый мог предстать в виде всадника или даже летчика, высунувшегося из кабины самолета.

В распаренные душные подвалы... – Имеются в виду китайские прачечные, широко распространенные тогда в Москве.

И астраханскую икру асфальта... – Горячий нераскатанный асфальт представлял собой черные блестящие крупницы, действительно очень похожие на осетровую икру.

Напоминающей корзинку асти... – См. комментарии к стихотворению «Я пью за военные астры...».

Дивлюсь рогатым митрам Тициана... – Упоминается итальянский живописец венецианской школы Высокого и Позднего Возрождения Тициано Вечеллио Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90 – 1576).

И Тинторетто пестрому дивлюсь... – Имеется в виду итальянский живописец венецианской школы эпохи Позднего Возрождения Я. Тинторетто (1518 – 1594).

«Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..»
Впервые: «Новый мир», 1932, № 4.

Фаэтонщик
При жизни автора напечатано не было.

Нам попался фаэтонщик... – Имеется в виду человек, управляющий фаэтоном, конной коляской с открывающимся верхом.

Это чумный председатель... – Отсылка к драматическому сочинению А.С. Пушкина «Пир во время чумы».

В хищном городе Шуше... – В марте 1920 года азербайджанские мусаватисты вырезали в городе Шуше около 35 000 армян.

Сорок тысяч мертвых окон... – Осенью 1930 года во время поездки по Армении О. Мандельштам с женой посетили город Шушу, где видели множество домов без крыш,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
дверей и окон, разрушенных во время резни армян.

«Сегодня можно снять декалькомани...»
При жизни автора напечатано не было.

Сегодня можно снять декалькомани... – О. Мандельштам имеет в виду переводные картинки, однако не совсем точен: слово «декалькомания» означает либо способ перенесения многокрасочного рисунка на стекло, фарфор и дерево, либо сам рисунок, полученный таким способом.

А в недорослях кто? Иван Великий... – Колокольня Ивана Великого входит в комплекс Московского Кремля.

Река Москва в четырехтрубном дыме... – Здание Могэса, расположенное на набережной, и по сей день является одной из городских достопримечательностей.

В стеклянные дворцы на курьих ножках... – Под «стеклянными дворцами» принято понимать некий обобщенный образ будущего, в частности, грядущей архитектуры. Но здесь резонно предположить, что автор имел в виду реальные здания, построенные в конструктивистском стиле. Так, на высоких опорах было возведено в Москве здание на улице Мясницкой, выполненное по проекту французского архитектора Ле Корбюзье. Это и есть русская сказка, соединенная с архитектурой будущего.

И Фауста бес – сухой и моложавый... – Имеется в виду Мефистофель, один из центральных персонажей трагедии «Фауст» И.В. Гете.

Или махнуть на Воробьевы горы... – Упомянуто одно из любимых мест для гуляний, отсюда открывается прекрасный вид на Москву.

«Там, где купальни-бумагопрядильни...»
Впервые: «Новый мир», 1932, № 6.

На реке Москве есть светоговорильня... – Имеется в виду Парк культуры.

Скучные-нескучные, как халва, холмы... – Этот сложный образ включает упоминание о Нескучном саде, расположенном возле Москвы-реки, отсылку к истории города, который, как считается, выстроен на семи холмах, и перенос на халву признаков близкого продукта – «голова» сахара имела остроконечную форму и действительно походила на гору либо холм.

Вода на булавах и воздух нежнее... – По парку ездил специальная бочка для поливки, из которой во все стороны текли струйки воды, их поэт и сравнил с булавами.

Ламарк
Впервые: журнал «Новый мир», 1932, № 6.

Ну, конечно, пламенный Ламарк. – Французский естествоиспытатель Ж.Б. Ламарк (1744 – 1829) создал первую целостную теорию эволюции.

На подвижной лестнице Ламарка... – Ученый впервые выделил в животном мире две большие группы – позвоночных и беспозвоночных животных, затем разделил их на классы, расположив, в соответствии с постулированным им принципом совершенствования, от самых простейших до самых совершенных («Лестница Ламарка»). По мнению Ламарка, живое возникло из неживого, затем последовательно развивалось до высших форм.

К кольцецам спущусь и к усоногим... – Упомянуты кольцецы (кольчатые черви), подтип червей, к которому относятся, например, дождевые черви, и усоногие (ракообразные), отряд морских ракообразных, ведущих сидячий образ жизни. Некоторые из усоногих ведут паразитический образ жизни.

По упругим сходим, по излогам... – Излогом или изложинной называются дол, долина или впадина.

Сокращусь, исчезну, как Протей. – Морское божество, вещей старец Протей был способен принимать разные обличья, однако это было именно изменение, а не сокращение либо исчезновение.

Наступает глухота паучья... – На самом деле пауки обладают и слухом, и осязанием, и обонянием, и зрением.

Красное дыханье, гибкий смех... – Считается, что животные не умеют смеяться. Кроме того, человека от животного отличают историческая память, уважение к прошлому, свидетельством которых является и обычай чтить память мертвых, ухаживать за их могилами.

Импрессионизм

При жизни автора напечатано не было.

Художники К. Моне и К. Писсарро, чьи работы угадываются в данном стихотворении, были представителями импрессионизма, одного из направлений искусства последней трети XIX – начала XX веков.

«Дайте Тютчеву стрекозу...»

При жизни автора напечатано не было.

Дайте Тютчеву стрекозу... – Творчество Ф.И. Тютчева (1803 – 1873) сильно повлияло на О. Мандельштама.

Веневитинову – розу. – У Д.В. Веневитинова (1802 – 1827) есть стихотворение «Три розы» (1827).

Ну, а перстень – никому. – Имеется в виду перстень, подаренный А.С. Пушкину Е. Воронцовой. Кроме того, перстень, раскопанный в Помпее, был подарен Д.В. Веневитинову, у которого есть, в частности, и стихотворение «К моему перстню» (1827), повесть «Перстень» есть и у Е.А. Боратынского (1800 – 1844).

У него без всякой прошвы... – Имеются в виду ажурные узорчатые ленточки, которые шьют или нашивают на белье, платье и т.д.

Лермонтов, мучитель наш... – Упоминания о М.Ю. Лермонтове и отсылки к его произведениям характерны для поэзии О. Мандельштама.

А еще одышкой болен // фета жирный карандаш. – У А.А. Фета (1820 – 1892) в старости была одышка.

Батюшков

Впервые: журнал «Новый мир», 1932, № 6.

Батюшков нежный со мною живет. – Возможно, имеется в виду репродукция автопортрета К.Н. Батюшкова, которая висела в комнате О. Мандельштама.

Нюхает розу и Дафну поет. – Дафна в древнегреческой мифологии – дочь речного бога Ладона и Геи, в которую влюбился Аполлон. Спасаясь от его преследования, Дафна взмолилась отцу о помощи, и боги превратили ее в лавровое дерево. Однако высказывалась догадка, что имеется в виду Зафна, героиня стихотворения К.Н. Батюшкова «Источник» (1810).

И отвечал мне оплакавший Тасса... – У К.Н. Батюшкова есть элегия «Умиравший Тасс» (1817), герой которой итальянский поэт Торквато Тассо (1544 – 1595), автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Стихи о русской поэзии

При жизни автора напечатано не было.

1. «Сядь, Державин, развалился...»

И татарского кумыса ... – Кумыс, кисломолочный напиток из кобыльего, коровьего или верблюжьего молока, не является татарским национальным продуктом. Эпитет должен отразить происхождение Г.Р. Державина, который родился недалеко от Казани.

Твой початок не прокис. – Слово «початок», связанное тут, по всей видимости, с глаголом «почать», следовательно, означает начатую, раскупоренную посудину.

Дай языкову бутылку... – Имеется в виду поэт Н.М. Языков (1803 – 1846/47).

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshstamjoseph.ru
Наслаждается мускатом... – Сладкое десертное вино мускат изготавливается из мускатных сортов белого, розового и черного винограда, имеет характерный терпкий аромат.

2. «Зашумела, задрожала...»

Как смоковницы листва... – Смоковница, иначе инжир или фиговое дерево семейства тутовых упоминается, вероятно, из-за того, что существует евангельская притча о бесплодной смоковнице, которая не утолила жажду путника, за что была проклята и засохла.

3. «Полюбил я лес прекрасный...»

Стихотворение посвящено С.А. Клычкову (1889 – 1937), поэту и прозаику.

Тычут шпагами шишиги... – Шишигой именовали нечистую силу женского рода. Это название чаще всего относят к водяной чертовке, живущей в болоте и по виду похожей на толстую неповоротливую и очень застенчивую женщину, которая к тому же любит полоскаться в воде.

Режутся в девятый вал... – Образ этот, не просто построенный, соединяет воспоминание о мифологическом сюжете «игра в аду» (использованном, например, в одноименной поэме В. Хлебникова и А. Крученых), широко распространенную карточную игру в «девятку» и отсылку к названию картины И. Айвазовского «Девятый вал» (считалось, что именно девятый по счету вал на море является самым опасным и разрушительным).

До чего как хороши! – Четверостишие является реминисценцией из стихотворения А.С. Пушкина «Делибаш» (1828).

К немецкой речи

Впервые: «Литературная газета», 1932, 23 ноября.

Стихотворение посвящено Б.С. Кузину (1903 – 1975), биологу, другу О. Мандельштама.

Стихотворению предпослан эпитафия из стихотворения «дифирамбы» немецкого поэта Э.Х. Клейста (1715 – 1759).

И на губах его была Церера... – Упоминается древнеримская богиня полей, земледелия и хлебных злаков, мать Прозерпины.

Еще во Франкфурте отцы зевали... – Во Франкфурте-на-Майне родился И.В. Гёте (см. ниже).

Еще о Гёте не было известий... – Немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель И.В. Гёте (1749 – 1832) является одним из основоположников немецкой литературы Нового времени.

Скажите мне, друзья, в какой Валгалле... – В германской мифологии Валгалла – место, куда попадают воины, павшие в битве. Она представляет собой дворец бога Одина, где герои развлекались, сражаясь между собой, затем их раны затягивались, и они принимались пировать.

И прямо со страницы альманаха... – Альманахи вошли в обиход в середине XVIII века в Германии.

Как в погребок за кружкой мозельвейна. – Мозельвейн или мозельское вино производится в Германии в бассейне реки Мозель. Мозельские вина белые, очень светлые, очень сухие и легкие, отличаются приятным ароматом.

Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада... – Нахтигаль по-немецки значит «соловей». Пилад – древнегреческий герой, друг, спутник и помощник Ореста, был молчалив.

Для новых чум, для семилетних боен. – Семилетняя война (1756 – 1763 гг.) шла между Англией и Францией, которые оспаривали колонии в Северной Америке и Ост-Индии. На стороне Франции выступила Россия, поскольку ее, как и Австрию, не удовлетворяла агрессивная политика Пруссии. В войну также включились многие европейские государства.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Ариост («Во всей Италии приятнейший, умнейший...»)
При жизни автора напечатано не было.

Любезный Ариост немножечко охрип. – Упоминается Л. Ариосто (1474 – 1533), итальянский поэт, писавший на латинском и итальянском языках. Прославился героико-комической поэмой «Неистовый Роланд».

Он завирается, с Орландом куролеся... – Орlando – итальянская форма имени Роланд, которое носил бретонский маркграф, участник испанского похода Карла Великого. Ему посвящены многие произведения, в том числе эпopeя «Песнь о Роланде» и поэма Л. Ариосто.

Феррара черствая! Который раз сначала... – Феррара была родиной Л. Ариосто.

Власть отвратительна, как руки брадобрея... – Повелительность парикмахеров и нечистота их рук стала «общим местом», вошла и в литературу, и в фольклор.

...И мы бывали там. И мы там пили мед... – Обыгрывается распространенная сказочная концовка: «Я там был, мед-пиво пил...»

Ариост («В Европе холодно. В Италии темно...»)
При жизни автора напечатано не было.

И прямо на луну влетает враль плечистый... – Имеется в виду рыцарь Астольф, один из героев «Неистового Роланда» (см. комментарии к предыдущему стихотворению).

«Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...»
При жизни автора напечатано не было.

Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз... – Возможно, отсылка к Апокалипсису (см. комментарии к стихотворению «Как растет хлеб опара...»).

Получишь уксусную губку ты для изменнических губ. – К губам распятого Иисуса Христа, испытывающего невыносимую жажду, поднесли губку, пропитанную уксусом.

Старый Крым
При жизни автора напечатано не было.

Как был при Врангеле – такой же виноватый. – Барон П.Н. Врангель (1878 – 1928) был одним из руководителей Белого движения в Гражданскую войну.

И тени страшные Украины, Кубани... – в 1932 – 1933 годах от голода страдали такие прежде сытые и обеспеченные районы СССР, как Украина, Дон, Северный Кавказ, Казахстан. Умерло несколько миллионов человек, по всей стране бродили голодные и нищие люди.

«Мы живем, под собою не чуя страны...»
При жизни автора напечатано не было.

Как подкову, дарит за указом указ... – Подкова всегда считалась символом счастья, потому здесь с ней иронически сравниваются сталинские указы. При этом удар подкованным копытом очень болезненный, а порой и смертельный – отсюда и перечисление, куда пришелся такой удар.

И широкая грудь осетина. – Была распространена легенда о том, что И.В. Сталин по национальности осетин.

«Квартира тиха как бумага...»
При жизни автора напечатано не было.

Пайковые книги читаю... – Деятели искусства, науки и т.д. были в эти годы прикреплены к различным закрытым распределителям, где получали продукты либо предметы одежды. В таких распределителях не только все стоило дешевле, чем в обычных магазинах, но попросту было, тогда как в стране царил тотальный дефицит. По аналогии с первыми годами советской власти такого рода выдачи именовались пайками, хотя и не являлись ими.

Пеньковые речи ловлю... – В данном случае просматривается не только аналогия с
Страница 114

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
пеньковой веревкой, при помощи которой казнили преступников, и бегучим такелажем корабля (веревки, канаты), который на английских королевских кораблях был королевской собственностью (то есть автор употребляет прилагательное в качестве синонима слова «казенный»), но, возможно, автор и скрыто полемизирует с В.Б. Шкловским, который одно время был уполномоченным льнотреста, о чем рассказывал в книге «Третья фабрика» (см. также комментарии к стихотворению «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»).

Чесатель колхозного льна... – Среди советских писателей существовала определенная специализация. Кто-то писал на индустриальные темы, кто-то предпочитал темы из колхозной жизни. Кроме того, были писатели, разрабатывавшие «оборонную тему», и т.д. Однако автор, по-видимому, имеет в виду еще и распространенное широко выражение «чесать языком», то есть болтать попусту.

Некрасова здесь молоток. – Имеется в виду русский поэт Н.А. Некрасов (1821 – 1877/78).

И вместо ключа Ипокрены... – Упоминается Иппокрена (Гиппокрена), священный источник на вершине горы Геликон в Беотии, по преданию, возникший от удара копыта Пегаса. Отсюда и его название – по-гречески Гиппокрена значит «Конский источник». Миф гласит, что воды этого источника даруют поэтам вдохновение.

«У нашей святой молодежи...»
При жизни автора напечатано не было.

Возможно, это стихотворение является фрагментом стихотворения «Квартира тиха как бумага...».

Восьмистишия
При жизни автора напечатано не было.

Стихи памяти Андрея Белого
Прозаик и поэт А. Белый, один из крупнейших представителей символизма, умер 8 января 1934 года. Смерть его была остро воспринята многими современниками.

«Голубые глаза и горячая лобная кость...»
При жизни автора напечатано не было.

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек... – «Гогольком» называл Н.В. Гоголя В.А. Жуковский, это прозвание адресовал к А. Белому и В.И. Иванов (1866 – 1949), знаменитый поэт-символист.

Не бумажные дести, а вести спасают людей. – Десть является одной из мер счета бумаги. Русская десть равнялась 24 листам, метрическая – 50 листам.

Налетели на мертвого жирные карандаши. – Существует несколько рисунков, изображающих А. Белого в гробу.

10 января 1934 года
При жизни автора напечатано не было.

Весь день твержу: печаль моя жирна... – Отсылка одновременно в «Слову о полку Игореве», где говорится «...печаль жирна тече средь земли Рускыи», и к стихотворению А.С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1828), где говорится «Мне грустно и легко: печаль моя светла...».

А посреди толпы стоял гравировальщик... – Имеется в виду художник В.А. Фаворский (1886 – 1964).

То, что обугливший бумагу рисовальщик... – Возможно, автор в определении «обугливший» сочетает сразу два значения: рисовальщик работает с таким рвением, что бумага «обугливается», при этом наброски делаются углем.

«Когда душе и торопкой, и робкой...»
При жизни автора напечатано не было.

«Он дирижировал кавказскими горами...»
При жизни автора напечатано не было.

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

И машучи ступал на тесных Альп тропы... – Имеется в виду участие А. Белого в строительстве антропософского храма в Дорнахе (Швейцария).

Рахиль глядела в зеркало явлений... – Рахиль была сестрой Лии (см. комментарии к стихотворению «Вернись в смесительное лоно...»).

«А посреди толпы задумчивый, брадатый...»
При жизни автора напечатано не было.

Уже стоял гравер – друг меднохвойных доск... – См. комментарии к стихотворению «10 января 1934 года».

«Мастерица виноватых взоров...»
При жизни автора напечатано не было.

Адресат стихотворения поэтесса и переводчица М.С. Петровых (1908 – 1979), в которую был в этот период влюблен О. Мандельштам. Ей также адресовано стихотворение «Твоим узким плечам под бичами краснеть...».

«Твоим узким плечам под бичами краснеть...»
При жизни автора напечатано не было.

Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть... – Черные свечи применяются только при черной мессе или при колдовстве.

Воронежские стихи
Чернозем
При жизни автора напечатано не было.

«Я должен жить, хотя я дважды умер...»
При жизни автора напечатано не было.

А небо, небо – твой Буонаротти... – Автор имеет в виду роспись купола Сикстинской капеллы, выполненную итальянским скульптором, художником и поэтом Микеланджело Буонаротти (1475 – 1564).

«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»
При жизни автора напечатано не было.

«Я живу на важных огородах...»
При жизни автора напечатано не было.

Ванька-ключник мог бы здесь гулять. – Ванька-ключник – герой некоторых русских песен.

«Наушнички, наушники мои!..»
При жизни автора напечатано не было.

Первоначальное название стихотворения «Радиоточка».

Наушнички, наушники мои!.. – Автор говорит о наушниках, с помощью которых слушал радио в Воронеже, но слово «наушник» в русском языке имеет также значение «тайный советник» либо «доносчик».

Недопитого голоса Аи... – Возможно, речь идет о прервавшейся трансляции оперы итальянского композитора Дж. Верди (1813 – 1901) «Аида» (1870). Однако, напомним, что «аи» назывался один из сортов французского вина.

Ну как метро? Молчи, в себе таи... – Московское метро открылось для пассажиров в мае 1935 г. Интерес к метрополитену у О. Мандельштама был не праздный: некоторое время назад он опубликовал рецензию на сборник стихов поэтов-метростроевцев.

«Это какая улица?..»
При жизни автора напечатано не было.

Мало в нем было линейного... – Один из воронежских адресов О. Мандельштама – 2-я линейная улица.

Этого Мандельштама... – В стихах слышатся отголоски монолога Хлопуши из драматической поэмы С. Есенина «Пугачев» (1921), где повторяется строка «Я хочу видеть этого человека».

«За Паганини длиннопалым...»
При жизни автора напечатано не было.

В авторизованной машинописи стихотворение озаглавлено «После скрипичного концерта».

За Паганини длиннопалым... – Имеется в виду итальянский композитор и скрипач Н. Паганини (1782 – 1840).

Марины Мнишек холм кудрей... – Упомянется М. Мнишек (ок. 1588 – ок. 1614), жена Лжедмитрия I.

Утешь меня Шопеном чалым... – Эпитет, найденный автором к имени польского композитора Ф. Шопена (1810 – 1949), и являющийся обозначением конской масти, вероятно, связан с тем, что тому принадлежит знаменитый похоронный марш, ассоциирующийся с катафалком, запряженным лошадьми.

Серьезным Брамсом, нет, постой... – Упомянется немецкий композитор И. Брамс (1833 – 1897).

«От сырой простыни говорящая...»
При жизни автора напечатано не было.

С папироской смертельной в зубах... – Имеется в виду сцена психической атаки «каппелевцев» в кинофильме режиссеров братьев Васильевых «Чапаев» (1934). Крайним в шеренге с сигарой во рту шел один из режиссеров фильма Г. Васильев.

Лошадиная бритва английская... – Эпитет «лошадиная» связан с действием бритвы, которую сопоставляют со скребницей, которой чистят коней.

«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»
При жизни автора напечатано не было.

Кама
При жизни автора напечатано не было.

Стансы («Я не хочу среди юношей тепличных...»)
При жизни автора напечатано не было.

Где пахнет Обью и Тобол в раструбе... – В названии реки Тобол (названной рядом с рекой Обью) отчетливо заметна ассоциация с «оболом», монетой, даваемой Харону за перевоз (см. комментарии к стихотворению «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»). Таким образом, реки эти сопоставлены со Стиксом.

Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме. – Находясь в помраченном состоянии ума, О. Мандельштам пытался покончить с собой, выпрыгнув из окна второго этажа земской больницы.

И что лиловым гребнем Лорелеи... – См. комментарии к стихотворению «Декабрист».

«Еще мы жизнью полны в высшей мере...»
При жизни автора напечатано не было.

Еще комета нас не очумила... – Комета Галлея несколько раз приближалась к Земле, в связи с чем предсказывали всевозможные катаклизмы. В 1910 году, как комета появилась в очередной раз, родился миф о том, что хвост кометы отравлен, и стоит этому хвосту коснуться Земли, люди погибнут.

И пишут звездоносно и хвостато... – Имеются в виду кляксы, которыми пестрят ученические тетради (клякса, кроме прочего, похожа на комету).

Толковые, лиловые чернила. – Лиловыми чернилами писали школьники. Учитывая упоминание о кляксах, эту и предыдущую строки можно прочитать как стихи о

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
свободе от строгих регламентов и правил. Такая свобода доступна детям, но именно «детскость» является залогом такой свободы и для взрослых.

«Не мучнистой бабочкою белой...»
При жизни автора напечатано не было.

Превратилось в улицу, в страну... – В этой строке слышна переключка со стихами В.В. Маяковского «Товарищу Нетто. Пароходу и человеку» (1926), где сказано о перевоплощении героя после смерти «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела».

«На мертвых ресницах Исакий замерз...»
При жизни автора напечатано не было.

Стихотворение написано в связи со смертью О.А. Ваксель (см. комментарии к стихотворению «Жизнь упала, как зарница...»), выехавшей за границу и покончившей жизнь самоубийством на вокзале в Христиании. Этому событию посвящено также стихотворение «Возможна ли женщине мертвой хвала...».

На мертвых ресницах Исакий замерз... – Имеется в виду Исаакиевский собор.

Несется земля – мебелированный шар... – В мебелированных комнатах жили, как правило, одинокие и неустроенные житейски люди.

«Возможна ли женщине мертвой хвала...»
При жизни автора напечатано не было.

И прадеда скрипкой гордился твой род... – Подразумевается музыкант А.Ф. Львов (1798 – 1870), создатель гимна «Боже, царя храни...».

Дичок, медвежонок, Миньона... – Упоминается героиня романа И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795).

И стынет рожок почтальона. – Сюжет о том, как от холода в почтовом рожке замерз звук, распространен в литературе, он использован, в частности, у К. Иммермана, автора повести о бароне Мюнхгаузене. Когда рожок отогрелся, звук вырвался наружу. Эта подробность имеет особое значение в связи с тем, что О. Мандельштам поздно узнал о смерти О.А. Ваксель, а потому стихи ее памяти написаны с запозданием.

«Из-за домов, из-за лесов...»
При жизни автора напечатано не было.

Садко заводов и садов. – Возможно, автор вкладывал в этот образ дополнительный смысл. Герой былины Садко играл на гуслях, веселя морского царя, но сравнение фабричного гудка со звуком гуслей былинного героя может быть еще более глубоким, если учитывать, что для создания искусственных морей затапливались пространства, где раньше находились населенные пункты, в том числе росли сады.

«Нынче день какой-то желторотый...»
При жизни автора напечатано не было.

«Детский рот жует свою мякину...»
При жизни автора напечатано не было.

«Мой щегол, я голову закину...»
При жизни автора напечатано не было.

«Внутри горы бездействует кумир...»
При жизни автора напечатано не было.

«Пластинкой тоненькой жиллета...»
При жизни автора напечатано не было.

Пластинкой тоненькой жиллета... – Имеется в виду безопасное лезвие этой фирмы.

Честь Рюисдалевых картин... – По всей видимости, подразумевается голландский художник Я. Рейсдаль (1628 – 1682).

«Эта область в темноводье...»
При жизни автора напечатано не было.

Воробьевского райкома... – Во время поездки по колхозам летом 1935 года О. Мандельштам с женой в селе Воробьевка познакомились с работником райкома, который произвел на них неизгладимое впечатление – он, хотя и осторожно, высказывал свое мнение о происходящем в стране.

Это мачеха Кольцова... – Имеется в виду русский поэт А.В. Кольцов (1809 – 1942).

«Вехи дальние обоза...»
При жизни автора напечатано не было.

«Как подарок запоздалый...»
При жизни автора напечатано не было.

«Твой зрачок в небесной корке...»
При жизни автора напечатано не было.

«Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...»
При жизни автора напечатано не было.

«Когда в ветвях понурых...»
При жизни автора напечатано не было.

«Дрожжи мира дорогие...»
При жизни автора напечатано не было.

«Еще не умер ты, еще ты не один...»
При жизни автора напечатано не было.

Покуда с нищенкой-подругой... – Поэт говорит о себе и своей жене, Н.Я. Мандельштам.

«О этот медленный, одышливый простор!..»
При жизни автора напечатано не было.

«Что делать нам с убитостью равнин...»
При жизни автора напечатано не было.

«Не сравнивай: живущий несравним...»
При жизни автора напечатано не было.

К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане. – Центром области Тосканы является Флоренция, город, связанный с жизнью Данте.

«Я нынче в паутине световой...»
При жизни автора напечатано не было.

«Где связанный и пригвожденный стон...»
При жизни автора напечатано не было.

Где Прометей – скалы подспорье и пособие? // А коршун где – и желтоглазый гон... – Древнегреческий герой Прометей за то, что он украл у богов огонь и отдал его людям, был обречен на муку – его приковали к скале, и каждый день прилетал орел, чтобы клевать его печень.

Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба. – Вклад в мировую культуру древнегреческих драматургов Эсхила (ок. 525 – 456 до н.э.) и Софокла (ок. 496 – 406 до н.э.) автор оценивает столь высоко, что приравнивает их работу к тяжелому физическому труду.

«Слышу, слышу ранний лед...»
При жизни автора напечатано не было.

Круг Флоренции своей // Алигьери пел мощней... – См. комментарии к стихотворению «Не сравнивай: живущий несравним...».

«Люблю морозное дыханье...»
При жизни автора напечатано не было.

Заразе саночек мирволю.. – Одно из значений слова «мирволить», употребляемого в просторечье, «потакать».

И век бы падал векши легче... – Векшей в некоторых областных говорах называется белка.

«Средь народного шума и спеха...»
При жизни автора напечатано не было.

Тот с водой кипяченой бак, // На цепочке кружка-жестянка... – Бак с питьевой водой и кружка на цепочке – обязательные атрибуты тогдашнего вокзала.

«Куда мне деться в этом январе?..»
При жизни автора напечатано не было.

«Обороняет сон мою донскую сонь...»
При жизни автора напечатано не было.

Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными. – Имеются в виду звезды на башнях Кремля.

И хор поет с часами рука об руку. – Утром после первых сигналов точного времени по радио хор начинал петь Государственный гимн.

«Как светотени мученик Рембрандт...»
При жизни автора напечатано не было.

Как светотени мученик Рембрандт... – Речь идет не о картине самого Рембрандта (см. комментарии «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»), а о работе одного из его учеников «Шествие на Голгофу», которая находилась в Воронежском музее изобразительных искусств и первоначально считалась работой Рембрандта.

«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»
При жизни автора напечатано не было.

Длинней органных фуг, горька морей трава... – Фугой называется одна из музыкальных форм, для которой характерны многоголосие и полифония и которая основана на изложении и развитии темы в разных голосах.

«Еще он помнит башмаков износ...»
При жизни автора напечатано не было.

Черноволок, с Давид-горой гранича. – Имеется в виду Мтацминда, или Гора святого Давида в Тбилиси, на которой находятся храм и Пантеон выдающихся деятелей грузинской культуры.

«Пою, когда гортань сыра, душа – суха...»
При жизни автора напечатано не было.

Здорово ли в крови Колхиды колыханье... – С Колхидой связан миф о золотом руне (см. комментарии к стихотворению «Золотистого меда струя из бутылки текла...»).

«Вооруженный зреньем узких ос...»
При жизни автора напечатано не было.

Стрекало воздуха и летнее тепло... – Стрекалом называется какой-либо острый колющий предмет.

«Как дерево и медь – фаворского полет...»
При жизни автора напечатано не было.

Как дерево и медь – фаворского полет... – Дерево и медь используют в качестве материалов художники-граверы, однако В.А. Фаворский (см. комментарии к стихотворению «10 января 1934 года») прославился именно как мастер ксилографии,

Стихотворения. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
гравюры на дереве.

«Я в львиный ров и в крепость погружен...»
При жизни автора напечатано не было.

Я в львиный ров и в крепость погружен... – Отсылка к истории пророка Даниила, одного из четырех «великих» иудейских пророков. Даниил занимал высокие посты при дворах Навуходоносора и Валтасара, но он отказался поклоняться царю Дарию как богу, и его бросили в ров к голодным львам. Однако львы не тронули пророка, потому что его защитил Ангел Божий.

Сильнее льва, мощнее Пятикнижья. – Пятикнижием Моисеевым (по-еврейски Тора) называются первые пять книг Библии – Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

Стихи о неизвестном солдате
При жизни автора напечатано не было.

И за Лермонтова Михаила... – См. комментарии к стихотворению «Дайте Тютчеву стрекозу...».

Я не Лейпциг, я не Ватерлоо, // Я не Битва Народов, я новое... – Перечислены битвы, в которых войска Наполеона были разбиты.

Над улыбкой приплюснутой Швейка... – Упомянется герой романа чешского писателя Я. Гашека (1883 – 1923) «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921 – 1923). Возможно, автор помнил слова В.Б. Шкловского, назвавшего роман о Швейке эпосом дезертирства. В этом смысле понятней противопоставление Швейку воителя Дон Кихота (см. ниже).

И над птичьим копьём Дон-Кихота... – Упомянется герой романа испанского писателя М. де Сервантеса Сааведры (1547 – 1616) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605, 1615).

И над рыцарской птичьей плюсной. – Рука в рыцарской железной перчатке напоминает лапу птицы.

Я рожден в ночь с второго на третье // Января в девяносто одном... – О. Мандельштам называет точную дату своего рождения.

«Я молю, как жалости и милости...»
При жизни автора напечатано не было.

Улица июльская кривая... – Отсылка к Июльской революции 1830 года во Франции.

Государит добрый Чаплин Чарли... – Имеются в виду фильмы американского актера и режиссера Ч. Чаплина (1889 – 1977) «Огни большого города» (1931) и «Новые времена» (1936).

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине... – Речь идет о двухбашенных готических соборах, характерной особенностью которых было большое круглое окно фасада – «роза».

Реймс – Лаон
При жизни автора напечатано не было.

Французские города Реймс и Лан славятся готической архитектурой.

«На доске малиновой, червонной...»
При жизни автора напечатано не было.

Конькобежного голландского уклона... – Воспоминание о картинах нидерландских живописцев, так называемых «малых голландцев».

«Я скажу это начерно, шопотом...»
При жизни автора напечатано не было.

По воспоминаниям людей, знавших О. Мандельштама в этот период, он читал свои новые стихи особым громким шепотом.

«Заблудился я в небе – что делать?..»
При жизни автора напечатано не было.

Легче было вам, Дантовых девять // Атлетических дисков звенеть. –
Подразумеваются круги Ада в «Божественной комедии» (1307 – 1321) Данте.

Флорентийская била тоска. – См. комментарии к стихотворению «Не сравнивай:
живущий несравним...».

«Может быть, это точка безумия...»
При жизни автора напечатано не было.

Рим
При жизни автора напечатано не было.

Италийские чернорубашечники... – В Италии к власти пришли фашисты.

Все твои, Микель Анджело, сироты... – См. комментарии к стихотворению «Я должен
жить, хотя я дважды умер...».

Ночь, сырая от слез, и невинный Моисей водопадом лежит... – Перечисляются
скульптурные работы Микеланджело «Ночь», «Давид» и «Моисей».

Ямы форума заново вырыты... – Возможно, автор имеет в виду раскопки, проводившиеся
на форуме (см. комментарии к стихотворению «Поговорим о Риме – дивный град...»).

И открыты ворота для Ирода... – См. комментарии к стихотворению «Соломинка».

И над Римом диктатора-выродка... – Б. Муссолини (1883 – 1945) был диктатором
Италии в 1922 – 1943 годах.

«Чтоб, приятель и ветра и капель...»
При жизни автора напечатано не было.

То ли дело любимец мой кровный... – Имеется в виду французский поэт Ф. Вийон (1431
либо 1432 – после 1463).

Размотавший на два завещанья... – Ф. Вийон создал поэмы «Малое завещание» (1456) и
«Большое завещание» (1462).

Наглый школьник и ангел ворующий... – Ф. Вийон был школяром, то есть обучался в
средневековых учебных заведениях, при этом был вором.

«Длинной жажды должник виноватый...»
При жизни автора напечатано не было.

Что беда на твоём ободу // Черно-красном – и некому взяться... – Подразумевается
черно-красная микенская керамика, которая была выставлена в одном из залов
Воронежского музея изобразительных искусств.

«Гончарами велик остров синий...»
При жизни автора напечатано не было.

Крит зеленый, – запекся их дар... – Греческий остров Крит расположен в восточной
части Средиземного моря. Является одной из колыбелей человеческой цивилизации.

Много задолго до Одиссея... – См. комментарии к стихотворению «Золотистого меда
струя из бутылки текла...».

«О, как же я хочу...»
При жизни автора напечатано не было.

Он только тем и луч, // Он только тем и свет... – По-видимому отсылка к стихам
Б.Л. Пастернака: «Я свет, он тем и знаменит, // Что сам бросаю тень...».

«Флейты греческой тэта и йота...»
При жизни автора напечатано не было.

Одной из причин написания стихотворения был арест К.К. Шваба, флейтиста Воронежского симфонического оркестра, преподававшего также в музыкальном училище, хорошего знакомого поэта.

«Как по улицам Киева-Вия...»
При жизни автора напечатано не было.

Не играют в Купеческом скрипки... – Упоминается бывший купеческий сад, прежде место увеселения.

На Крещатике лошади пали... – Крещатик – центральная улица города Киева.

Пахнут смертью господские Липки. – В Липках, одном из районов Киева, находилась контрразведка красных.

«Я к губам подношу эту зелень...»
При жизни автора напечатано не было.

«Клейкой клятвой липнут почки...»
При жизни автора напечатано не было.

Адресат стихотворения преподаватель литературы Н.Е. Штемпель (1900 – 1988), с которой у Мандельштамов в Воронеже установились теплые дружеские отношения.

«На меня нацелились груша да черемуха...»
При жизни автора напечатано не было.

В воздух, убиваемый кистенями белыми. – Игра слов построена на созвучии слов «кистень» (один из видов ручного оружия) и «кисти черемухи».

Стихи к Н. Штемпель
При жизни автора напечатано не было.

Для нас – праматерь гробового свода... – Очевидна отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), где, кроме прочего, есть строки «Мы все сойдем под вечны своды...», а также «И пусть у гробового свода...».

О. Мандельштам считал стихи, обращенные к Н. Штемпель, лучшим из написанного им.

Краткая хронология
1891, 3 (15) января

В Варшаве родился Осип Эмильевич Мандельштам. Отец – Э.В. Мандельштам, купец 1-й гильдии, торговец кожами, мать – Ф.О. Вербловская, музыкантша.

1894

Семья Мандельштамов переезжает в Павловск.

1897

Семья Мандельштамов переезжает в Петербург.

1900 – 1907

О.Э. Мандельштам учится в Тенишевском коммерческом училище. К этому периоду относятся и первые поэтические опыты.

1907, конец года – 1908, лето

О.Э. Мандельштам живет в Париже, посещает лекции на словесном факультете Сорбонны.

1909 – 1910

О.Э. Мандельштам провел семестр в Гейдельбергском университете, жил в Берлине и Швейцарии, посетил Италию.

1910

Первая подборка стихов в журнале «Аполлон».

1911

Начало учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

1911, декабрь

Вступает в «Цех поэтов».

1913

Вышел в свет сборник «Камень».

1914, конец года – 1915, январь

Поездка в Варшаву с санитарным поездом.

1915, декабрь

Вышло новое, расширенное издание сборника «Камень» (на титульном листе обозначен 1916 год).

1917

О.Э. Мандельштам оставил учебу, так и не закончив курса.

1921, конец

Выходит сборник «Tristia», составленный без участия автора.

1923

Выходит сборник «Вторая книга».

1925

Вышла книга биографической прозы «Шум времени».

1928

Выходит сборник «Стихотворения».

Выходит повесть «Египетская марка».

Выходит сборник статей «О поэзии».

1930, весна

Поездка по Армении.

1934, 13 мая

О.Э. Мандельштам арестован. Впоследствии был выслан в Чердынь-на-Каме, затем в Воронеж.

1937, 16 мая

Закончился срок трехлетней ссылки.

1937, лето – 1938

О.Э. Мандельштам, не имеющий права жить в Москве, бывает там и в Ленинграде наездами.

1938, 3 мая

Новый арест.

1938, 27 декабря

О.Э. Мандельштам умер в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком. Место захоронения его неизвестно.

Примечания

1 Молчание (лат.).

2 Здесь и далее стихи даются в авторской орфографии.

3 О, мой двойник, о, мой бледный собрат!.. Г. Гейне (нем.).

4 Мой голос пронзительный и фальшивый... П.Верлен (фр.)

5 Друг! Не упущи (в суете) самое жизнь. // ибо годы летят // и сок винограда // Недолго еще будет нас горячить! (Э. Х. Клейст) (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!